

КРИС ЧИБНЕЛЛ,
ЭРИН КЕЛЛИ

УБИЙСТВО НА ПЛЯЖЕ

АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ СЕРИАЛ,
ПОКОРИВШИЙ ВСЬ МИР

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
АДВОКАТА

Крис Чибнелл
Убийство на пляже

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2014

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

Чибнелл К.

Убийство на пляже / К. Чибнелл — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2014

Небольшой прибрежный городок Бродчёрч потрясла трагедия – одиннадцатилетнего Дэнни Латимера нашли задушенным на пляже. Детективы Алек Харди и Элли Миллер намерены вычислить убийцу во что бы то ни стало. Но расследование дает поразительные результаты – один за другим под подозрение попадают самые добропорядочные горожане! У каждого из этих благопристойных людей, оказывается, есть свой скелет в шкафу. Когда тайна перестанет быть тайной, городок содрогнется...

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

© Чибнелл К., 2014
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
1	7
2	11
3	14
4	17
5	21
6	24
7	28
8	32
9	35
10	38
11	41
12	45
13	49
14	54
15	57
16	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Крис Чибнелл, Эрин Келли

Убийство на пляже

Впервые опубликовано в Великобритании в 2014 году, Sphere, an imprint of Little, Brown Book Group

По мотивам телевизионного сериала «Broadchurch» produced by Kudos and Imaginary Friends Productions

Переведено по изданию:

Chibnall C. & Kelly E. Broadchurch: A Novel / Chris Chibnall & Erin Kelly. – London: Sphere, 2014. – 440 p.

© Chris Chibnall, 2014

© DepositPhotos.com / lofilolo/ vladimirs, обложка, 2015

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

Есть кое-что похуже слепоты – это способность видеть то, чего на самом деле нет.

Томас Харди

Пролог

Сюда – как и отсюда – ведет только одна дорога. Других населенных пунктов на этой дороге нет, так что Бродчёрч – место, куда невозможно заехать случайно.

Этот сонный прибрежный городок готовится проснуться к летнему сезону, но сегодня он не шелохнется. Стоит бодрящая ясная ночь, последовавшая за жарким, безоблачным днем. Светит полная луна, и небо усеяно звездами. Волны накатывают и разбиваются о берег, после чего черная, как нефть, морская вода медленно отползает назад. Высящиеся над морем отвесные скалы юрского периода светятся слабым янтарным сиянием, как будто продолжают излучать тепло, накопленное в течение знойного дня.

На пустынной Хай-стрит лишь немногие магазины не гасят огни на ночь. Посредине улицы бесшумно кувыркается подгоняемый ветерком лист вчерашней газеты. Редакция газеты «Эхо Бродчёрча» и расположенный рядом офис туристического агентства погружены в тень, изредка на них вспыхивают огоньки охранной сигнализации в режиме ожидания.

В гавани, поскрипывая мачтами, покачиваются на волнах лодки. Фасадом к галечным пляжам и пристаням стоит современный полицейский участок – круглое здание из стали и стекла с отделкой из светлого дерева. Снаружи поблескивают синие огоньки камер видеонаблюдения. Даже спящий город продолжает одним глазом следить за ночью.

В церкви на холме темно, и ее витражи богатых, насыщенных цветов сейчас выглядят просто угрюмо черными. На доске объявлений местного прихода беспомощно дрожит на ветру потрепанный плакат со словами «ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО КАК САМОГО СЕБЯ».

В доме Латимеров на другом конце города тоже темно. Их многоквартирное жилье в Спринг-Клоуз как две капли воды похоже на все остальные дома в этом квартале, а квартал похож на все остальные кварталы в стране. Лунный свет пробивается через приоткрытое окно спальни одиннадцатилетнего Дэнни, заливая ночным серебром плакаты на стенах, игрушки и пустую узкую кровать. Боковая калитка распахнута, и ее щеколда слегка постукивает под ветерком, но звук этот не будит его родителей, Бэт и Марка, которые спят спиной друг к другу под пуховым одеялом из универмага «Би-эйч-эс». Часы на прикроватной тумбочке, показывающие 3:16 утра, мерно отсчитывают секунды.

Дэнни находится в полутора милях от дома и отчаянно дрожит в серой футболке и черных джинсах. Он стоит в шестидесяти футах над морем всего в нескольких дюймах от края отвесного утеса. Резкие порывы ветра развевают его волосы, которые тонкими иголочками колют лицо. По щекам катятся слезы вперемешку с кровью, ветер срывает рыдания с его губ и уносит их вдаль. Перед ним обрыв. Он боится смотреть вниз. Но еще больше он боится смотреть назад.

Порыв морского бриза змеей скользит через весь город, добирается до его дома и бьет щеколдой калитки уже сильнее. Бэт и Марк продолжают спать. Часы у кровати перещелкиваются на 3:19 и вдруг останавливаются.

Дэнни на вершине скалы закрывает глаза.

В город и из города ведет только одна дорога. Сегодня звук мотора не нарушал тишину ночи и полотно дороги вдоль берега не освещалось светом фар. Никто не приезжал в Бродчёрч, никто отсюда не уезжал.

Часть первая

1

Бэт Латимер подскочила и села на кровати. Так она просыпалась, когда ее дети были маленькими, – какое-то шестое чувство вдруг наполняло кровь адреналином, и она просыпалась за несколько секунд до того, как они начинали плакать. Но ее дети больше не маленькие, и уже давно никто не плачет по ночам. Она просто проспала, вот и все. Кровать рядом с ней пуста, а часы на тумбочке стоят. Она нащупывает наручные часы. Начало девятого.

Все остальные уже проснулись: она слышит это по шуму снизу. За какую-то минуту она успевает быстро принять душ. Беглый взгляд в окно подсказывает, что сегодня будет еще один жаркий день, так что она натягивает красный сарафан. Носить красное с рыже-вато-коричневыми волосами считается неправильным, но это платье ей очень нравится: в нем прохладно, оно удобное и стройнит ее, демонстрируя плоский (сейчас, по крайней мере) живот – одно из немногих преимуществ того, что она завела детей в таком молодом возрасте. От легкой ткани до сих пор исходит запах прошлогоднего лосьона для загара.

Проходя мимо комнаты Дэнни, она в шоке отмечает, что его постель застелена. Под одеяльник с эмблемой «Манчестер Сити», который так ненавидит его отец – он воспринял неожиданное отступничество Дэнни от футбольного клуба «Борнмут» как жуткое предательство, – расправлен и лежит гладко. Бэт едва может поверить собственным глазам: одиннадцать лет ее ворчания наконец дают свои плоды. Она растроганно задумывается, что это может означать. Наверное, его зарплаты, которую он получает за разноску газет, не хватает на смартфон.

По следам разрухи на кухне она понимает, что Марк готовит для себя ленч. Дверь холодильника открыта. Молоко стоит на кухонной стойке, крышка снята, из масла торчит нож.

– Почему ты меня не разбудил? – спрашивает она.

– Я будил, – ухмыляется он. Он небрит, но ей нравится, когда он так выглядит, и он это знает. – И ты сказала мне отвалить.

– Не припоминаю что-то, – говорит Бэт, хотя это вполне в ее духе.

Она бросает в свою чашку пакетик чая, заранее зная, что времени допить этот чай у нее не будет. Внимание ее привлекают мигающие цифры над плитой: электронные часы показывают сплошные нули. То же самое на микроволновке. Радио-будильник застыл на цифре 3:19.

– Все часы остановились, – говорит она. – Во всем доме.

– Наверное, предохранитель выбило или еще что-то в этом духе, – говорит Марк, заворачивая сэндвич. Для Бэт он ничего не приготовил, правда, у нее все равно не было бы времени что-нибудь съесть.

Хлоя ест свою овсянку и листает журнал.

– Мам, у меня температура, – заявляет она.

– Ничего подобного, – отрезает Бэт, даже не удосужившись это проверить.

– Я. Никуда. Не иду! – хнычет Хлоя, но ее идеально заплетенные светлые волосы и безукоризненный макияж говорят Бэт: дочь была заранее уверена, что проиграет в этом споре. Что называется, не учи ученого. Она вспоминает, какой была сама в этом возрасте, – причем именно в этом возрасте, практически с точностью до дня, – когда прогуливала школу, чтобы встретиться с Марком. И она ни за что не позволит этой истории повториться.

Прежде чем Хлоя успеет выдвинуть какой-то контраргумент, через заднюю дверь, громко здороваясь, поспешно входит Лиз, мать Бэт, с полной миской яиц. Она сразу ста-

вит их на стойку рядом – Господи, думает Бэт! – с пластиковым контейнером для завтраков Дэнни. На него это не похоже – забыть упакованную еду. Вероятно, застилание кровати – это для него уже слишком. Она завезет ему ленч по дороге на работу. Как будто она и так мало опаздывает!

– Детка, тебе моих дофигаллион поцелуев, – говорит Марк, чмокая Хлою в макушку. Эту их семейную шуточку Хлоя слышала уже миллион – или дофигаллион? – раз, поэтому демонстративно закатывает глаза; однако, когда Марк отворачивается, чтобы выйти, и она думает, что ее никто не видит, позволяет себе слабую скрытную улыбку. Затем она пробует свой фокус с температурой на Лиз, которая сразу же кладет ладонь на гладкий лоб Хлои, хотя делает это чисто напоказ. Лиз прошла через все эти штучки уже дважды, так что вероятность того, что с ней этот номер пройдет, еще меньше, чем с Бэт.

Марк уже в дверях, торопясь к Найджелу, который по утрам обычно заезжает за ним, поэтому его прощальный поцелуй очень короток. На вкус он отдает чаем и овсянкой.

– Ты видел Дэнни? – в спину ему кричит Бэт.

– Он уже ушел, – бросает через плечо Марк. – Я опаздываю!

Он оставляет Бэт стоять на кухне с пластиковым контейнером для ленча Дэнни в руках.

Детектив-сержант Элли Миллер чувствует себя в рабочем костюме непривычно и скованно после трех недель отпуска в бикини и саронге, но такое впечатление, что с этой одеждой она привезла домой из Флориды солнечную погоду. Хай-стрит в Бродчёрче влажно блестит в дымке раннего утра, и у всех хорошее настроение. На небе ни облачка, и люди уже расхрабрились до того, что начали вывешивать рекламные щиты на улицах и расставлять торговые палатки.

Она рада своему возвращению, и не только потому, что знает: в участке ее ждут хорошие новости. Просто здесь, дома, она чувствует себя правильно, на своем месте. Это ее улица, ее участок работы, хотя форму она носит уже очень давно.

Она усаживает Фреда в коляску, а пакет с подарками из «дьюти-фри» для всей их команды вешает на ручку. В конце улицы она передаст коляску Джо, который будет провожать Тома до школы всю оставшуюся часть пути. А пока Джо слегка прихватил Тома за шею, и они оба хохочут. Элли и ее мальчики отражаются в витрине туристического агентства. Ее сыновья такие разные: у Фреда мамины темные вьющиеся волосы, тогда как Том похож скорее на мальчика из церковного хора. У него такие же светлые волосы, какие были у Джо, прежде чем его шевелюра начала редеть, и он, оберегая чувство собственного достоинства, полностью сбрил ее.

Сейчас один из тех редких моментов, когда она видит все свое маленькое семейство со стороны и ощущает счастье в одном мгновенно пойманном кадре без позирования. Она понимает, что ей очень повезло. Она отрывается от их отражения в витрине и смотрит вглубь офиса, чтобы поздороваться с Бэт, но той еще нет за письменным столом.

По другой стороне Хай-стрит, красуясь, вышагивает Марк со своей сумкой водопроводчика, перекинутой через плечо. Элли видит, как он на ходу флиртует с парой девушек в летних платьях, потом с Беккой из гостиницы, а затем обменивается добродушными подшучиваниями с Полом, их викарием, который даже моложе ее. Марк едва не наталкивается на какую-то не улыбку женщину с двойным подбородком, которую Элли не знает. Туристка? Не похожа, она прогуливает собаку. Кажется, она единственная, кто не восприимчив к чарам Марка.

Том открывает рот.

– Нет, – говорит Элли, прежде чем тот успевает, как обычно, попросить купить собаку.

Когда пути их пересекаются, Марк желает Тому удачи в грядущем дне спорта в школе, и мальчик расцветает.

– Нужно бы и нам собрать наших парней, – говорит Джо.

– Хорошая мысль, – отзывается Марк, даже не замедляя шаг. – Я тебе позже пришлю сообщение.

Элли приятно слышать этот короткий разговор. Они с Джо знают, что принятое у них в семье распределение обязанностей – она зарабатывает на хлеб, а он сидит дома с Фредом – отлично действует, придает сил им обоим, но все же она продолжает беспокоиться. Она тревожится, что люди могут подумать, будто Джо уже не мужик, раз занимается бабским делом. Она опасается, что он и вправду может перестать быть мужиком. Поэтому, когда другие жены по телефону просят своих мужей прийти домой вовремя, чтобы уложить детей спать, она мысленно гонит Джо из дома в паб.

– Гляньте, – говорит Том, показывая пальцем на знакомую фигуру с вишнево-красными волосами на другой стороне улицы. – Это же тетя Люси!

Он поднимает руку, чтобы приветственно помахать, но Элли одергивает его. За эти три недели она не перестала злиться на сестру. Очередная ложь Люси и все ее извинения совершенно не к месту в такое утро. Элли оглядывается: Люси их не заметила. Глядя себе под ноги, она тащит за собой сумку на колесиках с парикмахерским инструментом – вероятно, отправляется к какой-нибудь пожилой клиентке на еженедельную мойку головы с шампунем и укладку. Элли только надеется, что та надежно заперла свои ценности. Меньше всего на свете ей хотелось бы засадить в каталажку собственную сестру за кражу.

Том вырывает руку и начинает тереть ее: ему больно, и он сбит с толку.

– Прости, дорогой, – говорит Элли. – Просто нам нельзя опаздывать.

И это правда. У них уже и так достаточно проблем с тем, чтобы вовремя забирать Тома из школы. Нельзя давать директору еще один повод наехать на них.

На синем фургоне с белой надписью на борту «Марк Латимер: услуги сантехника» подъезжает Найджел Картер.

– Опаздываешь, – говорит Марк, запрыгивая на пассажирское сиденье.

Элли по губам Найджа читает, как тот что-то бормочет насчет пробок на дорогах, после чего оба смеются. Однако в ответ на следующие слова Найджа Марк хмурится. Он что-то бросает Найджу, и улыбка у того улетучивается: похоже, его поставили на место, хотя Марк – не тот босс, который будет просто так ругаться или как-то подчеркивать свое служебное положение.

Если от возвращения к служебной форме одежды у нее остаются странные ощущения, то в полицейском участке она чувствует себя еще более странно. После нескольких недель наслаждения настоящим летним солнцем лампы дневного света вызывают просто шок. Она до сих пор не может привыкнуть к этому зданию с его изогнутыми коридорами и стенами из шлифованного бетона. Здесь чисто, удобно и все такое, но это уже не совсем *Бродчёрч*.

Ее возвращение встречено восхищенным свистом и аплодисментами, которые сменяются восторженным оханьем, когда народ понимает, что она привезла подарки. Элли никого не забыла, и, похоже, все остались довольны сувенирами. Она хорошо знает свою команду. Только она усаживается поболтать с коллегами, как ее вызывает на пару слов старший офицер полиции Дженкинсон. Элли, догадываясь, о чем пойдет речь, не может удержаться от довольной улыбки по дороге в кабинет босса.

Дженкинсон не улыбается, но это, впрочем, и не в ее стиле. Если Элли по дороге на работу уже успела вспотеть, то начальница выглядит, как всегда, безупречно: короткие светлые волосы гладко прилизаны, накрахмаленная сорочка, выглаженный галстук. Однако вместо ожидаемых поздравлений Дженкинсон бросает бомбу.

– Мы отдали эту должность другому человеку.

Бомба взрывается, и Элли чувствует, как улыбка сползает с ее губ.

– Ситуация изменилась. Я понимаю, что это большое разочарование.

Разочарование – и близко не то слово. К глазам Элли подступают слезы, но вместе с ними поднимается и злость, которая дает ей силы перейти в атаку.

– Вы сказали, это подождет, пока я вернусь из отпуска, – говорит она; все приподнятое настроение после отдыха идет прахом. – Вы сказали, что я – единственный и бесспорный кандидат! Поэтому я и взяла три недели. Кто получил это место?

– Детектив-инспектор Алек Харди. Он приступил к своим обязанностям на прошлой неделе.

Имя это Элли что-то отдаленно напоминает, но по-настоящему выводит ее из себя совсем другое. Мужчина?! А как же «Детектив-инспектор на этом участке обязательно должен быть женщиной» или «Можете смело рассчитывать на мою поддержку»?!

Ей показалось, или на лице Дженкинсон действительно на миг появилось смущенное, даже стыдливое выражение?

– У Алека Харди большой опыт...

И тут Элли вдруг понимает, откуда знает этого человека. Его имя знает каждый полицейский в этой стране. Господи, ее обошли, причем обошел парень, но *он*?

Она сдерживается до тех пор, пока не добирается до женского туалета, где садится в кабинке на опущенную крышку сиденья и закрывает щеколду изнутри. Ее трясет от ярости, а ноги самопроизвольно выбивают своего рода чечетку, таким образом давая выход нервной энергии. Она звонит домой и по телефону изливает свои слезы на Джо. Он переживает это так же остро, как и она. Это повышение касалось его в такой же степени, как и ее, и они в своих планах уже даже успели потратить ее прибавку к жалованью на то, чтобы закончить доводить до ума дом.

– Может, мне просто выгрести вещи из ящиков своего стола и уйти? – спрашивает Элли у него, и, хотя оба понимают, что она говорит несерьезно, это помогает как-то спустить пар.

Она готовится посыпать новую соль на свою рану – Джо ушам своим не поверит, когда узнает, кто в итоге получил это место! – когда в дверь кабинки кто-то стучит.

– Занято! – кричит она, вкладывая в этот крик всю переполняющую ее злость.

– Элли? – Это одна из женщин-констеблей их участка. – Тебя срочно вызывают.

2

В двух милях от города на берегу стоит человек и пристально смотрит в размытую голубую дымку на горизонте. Костюм на его жилистой фигуре помят, верхняя пуговица под галстуком расстегнута. Ограждение из колючей проволоки, эти длинные ряды крошечных дьявольских колючек между двумя столбами опор, прорвано. Проволока разрезана четко и уверенно, явно каким-то специальным – профессиональным? – инструментом.

Теперь, когда ограда нарушена, ничто уже не отделяет его от обрыва высотой в семьдесят футов. Он может легко заглянуть через его край, но не хочет подходить слишком близко – не дай бог голова закружится.

– Так вы будете смотреть или нет? – спрашивает фермер.

Детектив-инспектор Алек Харди неохотно разворачивается лицом к месту преступления, хотя язык не поворачивается назвать все это таким вот образом.

– Слили к черту все дизтопливо, – говорит фермер, показывая пальцем на болтающуюся пробку топливного бака своей машины.

Боб Дэниэлс, констебль, позвонивший в участок, сочувственно качает головой, и Харди сдерживает вздох разочарования. Неужели начальство считает, что такие дела и есть лучшее применение для детектива-инспектора? А дальше что? Будут вызывать старшего офицера полиции по поводу кота, который не может слезть с дерева? Он понимает, что после Сэндбука ему нужно было сменить обстановку и ритм жизни, но это же просто нелепость какая-то.

– Мы с вами свяжемся, – говорит Харди, поворачиваясь к патрульной машине, несмотря на то что фермер сыплет вопросами, почему они еще не вызвали криминалистов. – И ради этого вы вызвали меня сюда в семь утра? – говорит он Бобу, когда фермер уже не может их слышать.

– А что, слишком мелко для вас, не тот масштаб? – ухмыляется Боб.

Но Харди не клюет на эту уловку. Это не первая подколка от его новой команды и, надо полагать, не последняя. Всех возмутило то, каким образом им прислали чужака со стороны. И, разумеется, слухи о нем бежали впереди него.

Вдруг тон Боба резко меняется.

– Я только что получил звонок. Береговая охрана сообщила, что они нашли кое-что на берегу.

Ко времени, когда Бэт добирается до школы, день спорта уже в полном разгаре, и школьный стадион заполнен детьми в спортивных костюмах традиционных цветов местной школы. Звучит выстрел стартового пистолета, возвещающий о начале бега в мешках для третьеклассников. На улице жарко, учителя разносят питьевую воду – и все зрелище окрашено в очень яркие краски. Бэт ищет глазами Дэнни на зеленом газоне. Обычно ей удается найти его в толпе за считанные секунды. Она всегда различает его даже не по внешнему виду, а по тому, как он двигается. В последнее время его угловатые, как у паука, манеры предпубертативного возраста сменились все нарастающей вальяжностью – вылитый Марк. Так все-таки где же он? Прищурившись на солнце, она узнает учительницу Дэнни, мисс Шерез. На лавочке возле нее сидят родители, громко аплодирующие, чтобы подбодрить своих отпрысков. Бэт с контейнером для завтрака в руках направляется к ним.

На мгновение она отвлекается на Олли Стивенса. Он здесь в качестве корреспондента «Эха» и в данный момент убеждает участников забега с яйцом в ложке сфотографиро-

ваться для газеты в победной позе Усейна Болта¹. Олли на этой должности уже больше года и не скрывает своих амбиций писать для национальных изданий, но Бэт до сих пор все равно не может воспринимать его всерьез как журналиста. Вероятно, из-за того, что она знает его с детских лет и ее шокирует, когда она видит его в рубашке с галстуком вместо привычной глазу ученической формы средней школы Южного Уэссекса.

Не успела Бэт сесть, как мисс Шерез спрашивает:

– А где Дэнни?

Щеки Бэт вспыхивают.

«Только не говорите, пожалуйста, что он прогуливает!»

– Я думала, что он здесь, – говорит она.

Мисс Шерез озадаченно морщится.

– Нет, мы не видели его со вчерашнего дня.

«Как и мы», – отмечает про себя Бэт, и перед ее глазами вспыхивают две яркие картинки: идеально застеленная кровать и коробка для завтрака на кухонной стойке.

Бэт чувствует первую холодную струюку охватывающей ее паники, и пульс ее учащается вдвое.

Она говорит себе, что нужно сохранять спокойствие, что ничего страшного, вероятно, не произошло, но пальцы уже сами набирают на мобильном номер Дэнни. Даже после того, как ее переадресовывают на голосовую почту, она решает для себя говорить беззаботным тоном, потому что не хочет, чтобы он думал, будто у него проблемы; хотя, если она выяснит, что он прогуливает, помощи ему Господи...

– Дэнни, это мама, – говорит она после гудка. – Поскольку ты не в школе, не мог бы ты, дорогой, перезвонить мне, чтобы я знала, где ты находишься?

Она еще не закончила говорить, а мысли ее уже несутся дальше, и второй звонок она делает Джеку Маршаллу в газетный магазинчик, чтобы узнать, брал ли Дэнни сегодня утром свою обычную разноску. Джек говорит, что Дэнни у него не появлялся. И не звонил. Раньше такого с ним никогда не случалось. Бэт не может представить себе ситуацию, из-за которой Дэнни не вышел бы разносить газеты.

Следующий ее звонок очень короткий, чтобы не занимать линию для Дэнни.

– Марк, это я, перезвони мне *немедленно!*

А что дальше? Она уже испытывала облегченный вариант подобного всепоглощающего зыбучего ужаса раньше. Его испытывают все матери, когда маленькие ручки детей выскользывают у них из рук где-нибудь в толпе в большом супермаркете или на гуляньях с аттракционами. Скорость, с которой это происходит, поразительна: провал от счастья к адским мукам происходит в промежуток между двумя ударами сердца. Дыхание становится порывистым и частым, пульс зашкаливает, а затем, через несколько секунд, дети появляются, и вы обнимаете их так крепко, что едва не ломаете косточки, а потом все время держите за руку, не отпуская ни на шаг, и даете нагоняй, который они якобы никогда не забудут. Паника уходит так же быстро, как накатывает, но ее последствия вы ощущаете даже через несколько часов: прилив адреналина в крови и ужас от мыслей типа «а что, если бы...».

Бэт старается успокоить дыхание и привести голову в порядок. Голова ей нужна ясная.

Она видит лучшего друга Дэнни, Тома Миллера, с пластиковой медалью на шее. Усилием воли она заставляет себя подойти к нему, а не подбежать, и говорить спокойно, а не кричать:

– Том, Дэнни не говорил тебе, что собирается куда-то сегодня утром? Все в порядке, никаких проблем у него не будет.

¹ Колоритный ямайский легкоатлет, рекордсмен мира по бегу на короткие дистанции. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Том только качает головой, и у Бэт нет оснований ему не верить. Со спокойствием в голосе, которое совершенно не соответствует ее внутреннему состоянию, Бэт просит мисс Шерез перезвонить ей, если Дэнни все-таки появится. Она начинает анализировать предпринятые шаги, чувствуя, как спину сверлит взгляд учительницы.

Краем глаза она видит, что Олли Стивенс, наострив уши, следит за ней. Бэт бесполезно крутится на месте, еще раз оглядывая поле школьного стадиона, но, во-первых, она наполовину ослепла от паники, а во-вторых, внутреннее чувство говорит ей, что Дэнни здесь нет. Так где же он тогда? В городе? На берегу? Она бежит к машине, на ходу нащупывая ключи.

Дорога в Бродчёрч поблескивает на горячем солнце. Выхлопные газы смешиваются с дымкой, отчего номерные знаки машин видны нечетко. Телефон Бэт лежит на пассажирском сиденье рядом с ней. Она постоянно проверяет его, перезагружает, проверяет громкость, уровень сигнала. Учеба в школах еще не закончилась, но на дорогах пробки, как в разгар запарки официального выходного дня в августе. Раздраженно сигналият машины. Несколько лет тому назад велись разговоры о том, чтобы расширить эту дорогу или построить объезд. Тогда Бэт была против, и теперь об этом жалеет. Пусть бы заасфальтировали весь пригород к чертовой матери, если бы это помогло ей сейчас быстрее попасть в город.

Никто не любит пробок на дорогах, но Бэт по-настоящему *ненавидит* их. Ей даже кошмары такие снятся по ночам. Она и в лучшие времена не переносила, когда ее что-то ограничивало, что уж говорить теперь, когда ей просто необходимо двигаться, действовать. Она чувствует себя так, будто находится в закрытом стеклянном ящике, который быстро заполняется холодной водой. Она не может дышать. Проходит каких-то секунд пять, и она, распахнув двери, выскакивает на улицу и спрашивает у женщины в машине перед ней, что случилось.

– Говорят, на берегу полицейские, – отвечает она. – Похоже, нашли труп...

Труп. Полиция. На берегу. Труп. Полиция. На берегу.

Дэнни.

У Бэт такое ощущение, будто вся кровь из тела разом ринулась вниз, ударив в ступни, словно электрическим током. Оставив ключи в замке зажигания машины с включенным радио, она бросается бежать. Ее обгоняет полицейский фургон, который несется по встречной полосе, – когда он проезжает мимо, вой работающей сирены из-за эффекта Доплера меняет тон от низкого до пронзительно высокого и обратно. Бэт едва успевает прочесть надпись на борту: «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ». Она ускоряет бег. Ей кажется, что сейчас она в состоянии обогнать автомобиль.

3

Харди ненавидит ходить пешком по пляжу. С этим песком никогда не знаешь, на каком ты свете. Он уползает из-под подошв и обманывает тебя, замедляет твой ход. А *этот* пляж, который буквально засасывает ноги, к тому же, из всех пляжей, похоже, так же ненавидит его, как он ненавидит их все, вместе взятые.

Полицейские как раз выставили ограждение, чтобы сдерживать растущую, несмотря на раннее утро, толпу зевак с подстилками для пляжа в сумках. Над головой кружит вертолет, и шум его винтов глушит разговоры. Харди следит, как какой-то констебль разматывает катушку с лентой для ограждений, но все это лишь до тех пор, пока он не огибает мысок, а там на берегу...

Такое впечатление, что ось вращения земли внезапно резко наклонилась, и Харди беспомощно хватается за воздух, чтобы не упасть.

Лента образует три стороны квадрата, огораживающего тело маленького мальчика. Он лежит на песке лицом вниз, видна только одна его щека. На нем джинсы, футболка с длинными рукавами и синие кроссовки с желтыми светоотражателями. Каштановые волосы мокрые и спутанные.

Харди пытается нащупать в кармане таблетки – он уже очень давно научился принимать их без воды – и с опозданием вспоминает, что они остались на прикроватной тумбочке в гостиничном номере. Он старается дышать ровно, как их учили, и паника постепенно начинает отступать. «Не смей делать это со мной», – говорит он себе между вдохами. Хочется закрыть глаза, лечь и заснуть, но годы тренировок дают о себе знать, и каким-то образом ему удается переставлять ноги. «Давай же, – продолжает он и заставляет себя в малейших деталях осмотреть место происшествия, хотя вынести это очень трудно. Он смотрит вверх на обрыв, на челку зеленой травы на вершине, на нетронутую золотистую поверхность песка, на обломки скалы, окружающие мертвое тело. И пытается представить себе траекторию падения.

– Господи... – глухо произносит у него за спиной женский голос. – Нет, нет, нет...

К нему неровной походкой направляется женщина в костюме – типичная мамаша, с безумно вьющимися волосами. Харди машинально становится между ней и трупом и пытается угадать, кто она такая. Мать ребенка? Но каким образом, черт побери, она прошла через кордон? Нужно будет сделать Бобу втык за такие вещи.

– Я его знаю, он тут живет, пьет чай у меня дома, это мальчик моей лучшей подруги, – тараторит она.

Мать, но не та. И она опознала жертву. Нужно как-то успокоить ее и выяснить факты. Харди распоряжается вывести женщину с пляжа, но та трясущимися руками вытаскивает из сумочки полицейский бейдж. Он мгновенно фиксирует ее имя и ранг, но еще несколько секунд уходит на то, чтобы сообразить, что эта слезливая женщина находится здесь по долгу службы.

– Господи, а Бэт, Бэт уже знает?

– Успокойтесь, детектив-сержант Миллер, – говорит Харди, хотя чувствует, что ее истерика подпитывает его собственное спокойствие. Чем больше она теряет контроль над собой, тем более профессионально ощущает себя он.

– Нет, вы не понимаете... я *знаю* этого мальчика! Господи, Дэнни...

– Прекратите! – обрывает ее Харди. – Будьте профессионалом. Вы уже работаете по этому делу.

– Прекратить? – Миллер выглядит обескураженной, и он понимает, что именно она о нем думает, но лучше уж это, чем давать ей пощечину при истерике. И это срабатывает. Плакать она перестает.

– Алек Харди, – представляется он, протягивая ей руку.

– Я знаю. Вы получили мою должность, – говорит она.

– Правда? – говорит Харди. – Так вы хотели бы оказаться на моем месте *сейчас*?

Несмотря на грубоватость замечания, это его вдохновляет: по крайней мере, сейчас она хотя бы говорит как коп. Но это ненадолго.

– Вы ведь даже не знаете, кто он такой, – с упреком замечает Миллер, как будто Харди виноват в том, что не вырос в этом заштатном городишке, и является плохим полицейским, если за неделю работы еще не стал закадычным приятелем всех местных жителей.

– Так расскажите мне! – кричит он, перебивая шум прибоя.

– Дэнни, Дэниел Латимер. – Харди слышит это имя впервые и понимает, что через считанные часы оно уже станет печально знаменитым. – Одиннадцать лет. Учится в одном классе с моим Томом. Семья живет здесь, отец – местный сантехник.

– Это место для самоубийств?

– Он бы этого не сделал.

Боже, так вот кого он обошел с этой работой! Неудивительно, что он получил это место, если вторым претендентом была она.

– Ответьте на мой вопрос.

– Нет. Для этого есть другие места: одно в трех милях на запад отсюда, другое – в глубине суши. – Она снова переходит в оборону. – Он просто не такой мальчик.

Харди уже достаточно узнал от детектива-сержанта Миллер и поручает ей выяснить, где находится выездная бригада, работающая на месте преступления. В том, как аккуратно мальчик упал, есть что-то подозрительное, и нужны криминалисты, чтобы зафиксировать то, что видит он. Возле его ноги лежит сигаретный окурочок, который тоже нужно будет положить в пакет для вещественных доказательств. На этот раз он уже не пропустит ни одной улики, даже если для этого придется перебрать весь пляж по песчинке.

Пока Миллер звонит, он размышляет, будут ли ее отношения с погибшим мальчиком преимуществом или помехой делу.

Постепенно приближается время прилива.

Бэт бежит неплохо, но так она еще никогда не бегала. Ее тонкие прорезинки совсем не поглощают силу удара о землю, но она не чувствует вибрации в суставах. За считанные секунды она пробегает Хай-стрит и сворачивает за угол на набережную. Люди здесь стоят группками по три-четыре человека и, тихо переговариваясь, кивают в сторону пляжа. Только Джек Маршалл один перед своим магазинчиком, словно печальный часовой.

Бэт некогда задумываться над этим. Она продолжает бежать, движимая громадной внутренней силой, которая подталкивает ее. Она дышит тяжело, но кажется, что в ней скрыт бесконечный источник энергии. Весь ее мир сжался до необходимости попасть на пляж и убедиться, что, кого бы они там ни нашли, это не ее Дэнни и она может продолжать спокойно разыскивать его. Все это время ее заливают ледяная вода страха, которая плещется уже у самого горла.

Автопарковка у моря забита патрульными машинами и полицейскими фургонами. Их яркие желтые и синие цвета выглядят аляповатыми и неуместными на фоне мягких голубых и золотистых красок пляжа. Бэт вынуждена притормозить, проскакивая между маневрирующими автомобилями; расталкивая локтями толпящихся на пути отдыхающих с детьми, она наконец попадает на пляж. Песок грозит еще больше замедлить ее бег, так что Бэт сбрасывает тапочки и дальше несет их в руках. Ногам становится жестко. У подножия скалы

развешаются на ветру бело-голубые ленты ограждения. Полицейские в оцеплении стараются убедить зевак, что смотреть там не на что. Бэт легко уворачивается и проскальзывает под ограждением.

Вдали на песке видна темная черточка. Догадалась бы она, что это человеческое тело, если бы ей об этом не сказали заранее? Еще несколько шагов вперед, и она видит, что для мужчины оно слишком маленькое, но это все еще может быть женщина. Этот кошмар словно притягивает ее к себе, и она продолжает идти.

Знакомая фигура встает между Бэт и... *этим*, и к ней лицом поворачивается Элли. Бэт на секунду отшатывается от нее, потому что с лицом у Элли что-то не так. Она выглядит так, будто ее ударили или еще что-то. Когда она видит Бэт, это выражение становится еще хуже.

– Бэт! – кричит она и бежит ей навстречу. – Немедленно уходи с берега!

– Что там? – говорит Бэт. – Что вы там нашли? – Она оставляет Элли последнюю возможность сказать, что все в порядке.

Элли преграждает ей дорогу.

– Тебе туда нельзя.

Бэт едва не смеется ей в лицо. Этот берег принадлежит ей в такой же степени, как и всем остальным. Как они вообще *смеют* говорить ей, куда можно, а куда нельзя? Она в лучшей форме, чем Элли, так что легко проскальзывает мимо нее. За ней по пятам уже гонятся полицейские, она видит на волнистом песке их длинные тени, преследующие ее, но продолжает бежать вперед, к центру этого кошмара, и, когда оказывается уже достаточно близко, в глаза ей снова бросаются неестественно яркие краски. Синяя замша с желтой отражательной отделкой. Кроссовки Дэнни – она сама их покупала – немного высовываются из-под импровизированного савана, которым накрыто тело. Все, что оставалось от внешнего самообладания Бэт, мгновенно рассыпается в прах.

– Это кроссовки Дэнни! – Голос ее эхом отражается от скал. – *Это же кроссовки Дэнни!*

Она продолжает снова и снова повторять эту фразу – даже тогда, когда полицейские догоняют ее и хватают за руки. Перед глазами, периодически теряющими фокус, мелькают расплывчатые контуры их черно-белой формы. Шум и голоса накатывают волнами. Бэт пинается, извивается, но вырваться не может. Она не может просто так оставить Дэнни, когда у него вот так торчит из-под простыни одна нога. Когда он спит, у него всегда холодные ноги. Она должна хорошенько подоткнуть покрывало. Она делает последнее отчаянное усилие, чтобы освободиться. Когда ее оттаскивают в сторону, пятки оставляют на песке глубокие борозды.

Волны паники смыкаются над головой Бэт. В легкие, словно грязная вода, устремляется ужас. Он затопляет ее сердце. Ей все равно, если она утонет. Она была бы даже рада этому.

4

В редакции «Эха Бродчёрча» царит обычный для нее полный хаос. Для этого офиса безбумажное электронное делопроизводство – несбыточная мечта, и все рабочие столы просто завалены горами бумаг. Новые глянцевые мониторы на столах подключены к дышащей на ладан компьютерной системе, которая должным образом не обновлялась годами. В точности, как и Мэгги Радклифф – главный редактор, которая тоже никогда не обновлялась. Она работает в местных новостях еще с тех времен, когда слова «вырезание» и «вставка» подразумевали не компьютерную верстку текста, а работу с помощью ножниц и клея, а курение за рабочим столом считалось модным и обязательным. Теперь же она крутит между пальцами электронную сигарету, косясь одним глазом в таблицу Excel с текущими расходами.

Входит Олли Стивенс, последний протеже Мэгги; волосы у него взъерошены так, как это могут позволить себе только очень молодые люди. Он выглядит довольным собой.

– Рэг этого не сделал, – заявляет Олли, имея в виду ветерана-фотографа, который в последние дни больше времени проводит в «Красном льве», чем со своей фотокамерой. Но Мэгги по-прежнему не отказывается от его услуг; по выходным они регулярно встречаются в супермаркете – в Бродчёрче оба они ищут что-то свое. – Так что я сделал снимки телефоном.

Он сбрасывает фотографии Тома Миллера, с гордостью демонстрирующего «золотую» медаль на шее, со своего телефона на компьютер. Фотографий этих хватит на двойной газетный разворот.

– О, ты только посмотри на эти очаровательные маленькие личики! – говорит Мэгги. – Глаз у тебя уже почти алмаз.

Она все еще смотрит на экран ему через плечо, когда звучит сигнал о прибывшем электронном письме.

– О боже, – выдыхает Олли, и рука его зависает над мышкой. – Это «Дэйли мэйл». Мое резюме.

– Открывай! – командует Мэгги.

Олли пробегает глазами текст в открывшемся окне, и лицо его расстроено вытягивается.

– Вот сволочи!

– Дорогой мой, – утешает она, – есть масса других газет.

– Я их уже все перепробовал, – угрюмо отзывается он.

– Ты хорош, но еще не раскрылся. Твое время еще придет.

Дальнейшие слова ободрения прерываются сигналом о том, что на телефон Мэгги пришло сообщение. Она быстро читает его.

– Ивонн пишет, что по какой-то причине перекрыт весь берег. Поезжай туда и разберись, хорошо?

Харди уже во второй раз за это утро оказывается на обрыве, на этот раз рядом с ним ДС² Миллер. Чтобы попасть туда, им приходится взбираться по крутой береговой тропе. Теперь уже полицейская лента сдерживает туристов и зевак. Но тут нужен забор. Харди не может поверить, что людям разрешается подниматься здесь без всяких поручней. В этой деревне буквально все таит в себе опасность. Он подходит к краю как можно ближе. В нескольких

² Детектив-сержант.

футах ниже бахромы травы находится небольшой уступ, так что тому, кто решит прыгать отсюда, нужно еще дважды подумать.

Здесь под присмотром Брайана Янга, в поисках улики буквально перебирая каждую травинку, сидят на корточках и ползают в белых комбинезонах члены бригады криминалистов по осмотру места преступления. Капюшон комбинезона самого Янга опущен, а маска снята – чтобы подчеркнуть, кто тут начальник. Ветерок ласково теребит его черную шевелюру.

– Как у вас? – спрашивает Харди.

– Похоже, что падение было сфальсифицировано, – говорит Брайан. В голосе его, тем не менее, слышатся вопросительные нотки: в уликах-то он не сомневается, его, скорее, больше интересует, почему это произошло. – Тело лежит не под тем углом, все явно подстроено. Кроме того, наверху нет примятой травы или следов соскальзывания, нет неустойчивых камней. Никаких следов ткани, отпечатков рук, никаких намеков на падение отсюда вниз.

– Вы хотите сказать, что он вообще не падал? – спрашивает Харди. – А он не мог спрыгнуть?

– Это маловероятно, учитывая то, где его нашли, а также траекторию со стороны обрыва. – Для наглядности Брайан показывает это руками. – Как по мне, кто-то попытался обставить это как несчастный случай. Я не думаю, что мальчик вообще был тут, наверху.

– Вот видите, – говорит Миллер. – Только не Дэнни. Он *не мог* сделать этого.

– Пойдите к патологоанатому и попросите его поторопиться с заключением, даже если оно будет только предварительным, – говорит Харди.

Они спускаются обратно на берег. Миллер рассказывает, как можно из города добраться на эти скалы, Харди внимательно слушает. Он еще не вполне ориентируется, хотя разные части города в его голове уже постепенно складываются в одно целое и начинает включаться его чувство направления. Так что медленно, но верно это место замещает в его сознании другую застывшую картинку из прошлого.

Домики на колесах на парковке для автофургонов с высоты выглядят игрушечными, и с приближением это ощущение не пропадает. Перед номером три, прислонившись к стене, стоит не улыбкающая женщина с кружкой в руке. У ног ее лежит большая коричневая собака. Харди мысленно фотографирует ее.

Позади них со скрежетом останавливается потрепанный красный «ниссан». Из-за руля выскакивает кареглазый юноша и, широко улыбаясь, направляется в их сторону. Миллер торопится к своей машине.

– Он, похоже, вас знает, – говорит Харди за секунду до того, как молодой человек зовет ее:

– Тетя Элли!

К удивлению Харди, Миллер густо краснеет. Разыгрывать смущение ей не нужно, она и без этого выглядит довольно глупо.

– Олли Стивенс, «Эхо Бродчёрча», – представляется молодой человек, и все становится уже не смешно.

– Никаких заявлений в данный момент, – автоматически произносит Харди.

Он захлопывает дверцу машины перед Олли, но голос того слышен и через стекло.

– Я слышал, здесь найдено тело. Скажите, его уже опознали? Пожалуйста! – говорит он вкрадчивым тоном ребенка, выпрашивающего мороженое.

– Будет сделано официальное заявление, Оливер, – отвечает Миллер.

С этими словами она уезжает, оставляя Олли в облаке пыли и песка.

Элли уже не может вспомнить, когда в последний раз ездила в Спринг-Клоуз на машине: быстрее пройти напрямую через стадион, который находится между их домами.

В этой поездке она старается сконцентрироваться на зеркале заднего вида и сигналах поворота, а не на том, что ждет ее в конце.

Когда они подъезжают к жилищу Латимеров, на передний план выходит жестокая реальность. Она знает этот дом почти так же хорошо, как свой собственный. Он виден через спортивную площадку из окна ее кухни, и припомнить трудно, сколько раз они все вместе выпивали здесь вечером по воскресеньям. Теперь же он выглядит странным, незнакомым. Как будто она никогда раньше здесь не была. В их миссии она чувствует двойную ответственность, как друг и как полицейский, и предлагает Харди, чтобы разговор вела она, поскольку хорошо знает эту семью.

– Сколько смертельных случаев вы расследовали? – спрашивает Харди.

Элли кажется, что она стала выше ростом.

– Это мое первое дело.

– Вы не можете сделать это лучше меня. Так что и не пытайтесь.

– Вы не знаете, как я работаю!

Он воспринимает сильную сторону Элли – находить спокойствие в хаосе – так, словно это ее ахиллесова пята.

Харди говорит рублеными фразами, и раскатистое шотландское «р» придает его словам силу удара.

– Первое и наиболее вероятное предположение – это похищение. Был ли он похищен, если да, то кто мог это сделать? Следите за ними. Каждую секунду. Обо всем, что кажется странным, говорите мне. Чем ближе отношения людей, тем выше вероятность виновности. И не нужно на меня так смотреть!

Элли даже не заметила, как именно на него посмотрела.

В доме все Латимеры сидят в ряд на диване: Бэт, Марк, Хлоя, все еще в школьной форме, и Лиз. Бэт трясет, руки ее прижимаются то к животу, то к губам и возвращаются обратно. Марк сидит так неподвижно, что кажется, будто он даже не дышит.

Харди выдвигает стул из-за обеденного стола и садится лицом к ним. Элли чувствует удивляющую ее самую яростную защитную реакцию: ей не хочется, чтобы этот человек сейчас находился рядом с ними.

– Сегодня утром на берегу было обнаружено тело юного мальчика.

Элли впервые слышит это полицейское клише со стороны. Эвфемизм, так тщательно разработанный, сейчас обижает и служит только для отсрочки объяснения.

– Это ведь Дэнни, да? – плачет Бэт. – Это его кроссовки я видела?

Лиз крестится.

– Масса ребят носят такие кроссовки, – бормочет Марк и обращается к Харди: – Простите, что перебил.

– Мы считаем, что это тело принадлежит Дэнни, – говорит Харди.

Элли ждет от него слов соболезнования, но нет, это всего лишь суровая констатация факта.

– Так это был он, Элли? – спрашивает Бэт.

После кивка Элли Бэт оседает, как будто у нее вдруг рассыпался позвоночник, и рот ее перекашивается в немом крике. Хлоя издает глухой сдавленный звук и испуганными глазами смотрит на отца. Правой рукой Марк обнимает жену за плечо, и она припадает к его груди, а левой – обхватывает Хлою и Лиз, снова и снова продолжая шептать нелепую маленькую ложь о том, что все будет хорошо.

Элли сидит, будто прикованная к месту, и беспомощно смотрит, как они в своем горе хватаются друг за друга – жуткий семейный портрет, который никогда уже не будет полным. К глазам подступают горячие слезы. Она думает, как бы их сдержать, но по тому, как изображение начинает расплываться, понимает, что ей это не удалось.

Приготовить чай. Это единственное занятие, которое она сейчас может придумать для себя. Роясь в шкафчиках Бэт в поисках сахара, Элли чувствует себя женщиной-констеблем из семидесятых годов прошлого века.

Слезы на удивление быстро сменяются немим шоком. Бэт и Хлоя так крепко держат друг друга за руки, что кончики пальцев у обеих стали пурпурно-красными от застоявшейся крови.

– Это был несчастный случай? – спрашивает Бэт. – Он упал?

Свой вопрос она адресует Элли, но отвечать берется Харди.

– Нам это пока неизвестно, – говорит он. – Вы не знаете, почему он мог оказаться на вершине скалы вчера ночью или сегодня утром?

– Его *не должно* было там быть, – говорит Бэт.

– Но ведь очевидно, что он там был, – бросает Марк.

Брови Харди удивленно приподнимаются. Элли хочется объяснить ему, что Марк больше лает, чем кусает. Но потом она вспоминает, как сегодня утром Марк в фургоне накричал на Найджела, и чувствует, как мучительно засосало под ложечкой.

– Как Дэнни вел себя в последние дни? – спрашивает Харди. – Ничего его не беспокоило?

– Он не убивал себя, если вы это имеете в виду, – говорит Марк. – Он не стал бы этого делать. Он знает, что может поговорить с нами о чем угодно.

– Он был... просто нормальным, – говорит Бэт.

Это в ее устах звучит странно, как будто она уже знает, что о ней самой так уже больше никогда не скажут.

– Когда вы видели его в последний раз? – продолжает давить Харди.

– Я заглядывала к нему вчера вечером, примерно в девять, – говорит Бэт. – Он лежал в постели и читал. А сегодня утром... – Бэт запинаясь, и у Элли рвется сердце, когда она видит, как на подругу накатывает волна самобичевания. – Обычно он встает и уходит раньше всех, потому что по утрам разносит газеты. Но там он не появлялся.

Она поворачивается лицом к Харди: Элли читает в ее глазах слепую веру и еще больше падает духом. Сейчас, конечно, не время, но очень скоро ей в любом случае придется узнать о последнем деле, которое вел Харди. Элли ненавидит его за то, что он поставил ее в такое положение.

Харди делает пометку в записной книжке.

– Не заметили ли вы в доме следов взлома или какого-то беспорядка?

– Нет, ничего. – Марк отвечает так, как будто это дурацкий вопрос. Повисает неловкое молчание. – Я хочу увидеть тело.

Пять пар глаз дружно поворачиваются в его сторону.

– Вы могли ошибиться, – пожимает он плечами. – Так что я хочу убедиться сам. Хочу увидеть своими глазами.

5

Элли везет Марка в местную больницу. Это низкое каменное здание с табличкой и эмблемой Государственной службы здравоохранения на старой кладке. Они идут по маленькой парковке, над головой шелестят кроны деревьев. Лицо Марка бесстрастно. Единственным признаком того, что творится у него внутри, становится небольшая заминка уже на пороге.

– Сколько раз ты уже делала это, Эл? – спрашивает он.

– Нисколько, – признается она.

Естественно, она и раньше бывала в морге – по поводу дорожных аварий, было еще несколько утопленников, одна передозировка. Но убитых – никогда, ни детей, ни, Боже упаси, друзей. Разумеется, ее готовили к такого рода преступлениям. Но это было много лет назад, и это все-таки сельская местность в графстве Дорсет. Она уже более-менее смирилась с тем, что ей так никогда и не придется иметь дело с подобными вещами. Помимо шока и страдания, ею овладевает еще и паника. Она едва может вспомнить всю процедуру опознания, не говоря уже о рекомендациях, как правильно говорить с людьми, убитыми горем.

В смотровой стоит тишина, как в церкви. Занавеска на окне медленно отодвигается, открывая лежащего по другую сторону стекла Дэнни. Лицо его до сих пор в грязи: земля оттеняет цвет кожи мальчика, тогда как песчинки вспыхивают на нем, словно блески. Он выглядит намного младше, она его таким не видела уже очень и очень давно. И выглядит он как живой. Она почти ожидает, что вот сейчас он вскочит и весело закричит: «Сюрприз!» Несколько лет назад они с Томом играли в прятки на территории, охватывавшей оба дома и стадион между ними. Том как-то застрял у Латимеров в мусорном баке на колесиках, а Дэнни подвернул колено, когда спрыгивал с дерева, чтобы удивить друга. От этих воспоминаний комната перед ее глазами начинает плыть.

Элли смотрит на Марка, и от этого становится еще хуже. Лицо, которое она видела смеющимся и поющим, пьяным и счастливым, сейчас изуродовано горем.

– Всю дорогу я надеялся, что это не он, – шепчет Марк. – Мой Дэнни.

Интуиция профессионального полицейского, а может быть просто родительский инстинкт, подсказывает Элли, что произойдет дальше.

– Можно мне прикоснуться к нему? – спрашивает Марк, и она вынуждена отрицательно покачать головой. – Почему он? – говорит Марк, обращая свою злость на Элли. – Он ведь еще маленький. Он всего лишь маленький мальчик. – Он становится на колени, приближаясь к лицу Дэнни, и хотя Элли должна следить за соблюдением процедуры, она чувствует необходимость разрешить такое нарушение. – Послушай меня, мальчик. Мне очень жаль, что я не оказался рядом. Ты – мой мальчик, а я тебя подвел. Мне очень, очень жаль, Дэнни. Я целую тебя дофигаллион раз и люблю, суперстар. И всегда буду любить.

Голос Марка срывается на громкие рыдания, за которыми уже не разобрать слов. Они стоят так тридцать минут.

Элли ничего не говорит. Воротничок ее рубашки промок от слез.

Глядя на латексные перчатки у себя на руках и пластиковые бахилы на обуви, ДИ³ Харди помимо воли мысленно переносится в спальню другого ребенка, на место другого преступления. Он хочет – нет, ему *необходимо!* – лично обыскать эту комнату до приезда следственной бригады.

³ Детектив-инспектор.

Он толкает дверь комнаты Дэнни, и под его пальцами в перчатках отклеиваются какие-то наклеенные на нее детские стикеры. На будильнике мигают цифры, показывая неправильное время. Окно распахнуто, из замка по-прежнему торчит ключ. Харди видно, как на площадке за окном ребята на футбольном поле гоняет мяч. Дети выбегают из садов, окружающих спортивную площадку, и забегают обратно. Сколько еще будет так продолжаться, пока все не узнают о случившемся?

На комодке лежит школьный галстук, изогнувшийся буквой «S». Рядом с телескопом и портативной видеокамерой «флип» – потертый ноутбук и игровая приставка. На полках и подоконнике теснятся спортивные трофеи, а фотографии Дэнни в бассейне и на футбольном поле наполняют жизнью бездыханное тело, найденное на берегу. Повсюду следы не окончившегося детства: рядом со стопкой журналов лежит старенький замусоленный альбом для стикеров «Покемон», а на подушке терпеливо дожидается хозяина симпатичный игрушечный шимпанзе, которого так и хочется прижать к себе.

На одном из косяков двери видны отметки роста Дэнни за много лет; соответствующие надписи сделаны чернилами на обоях, начиная от четырехлетнего возраста и заканчивая последней, несколько месяцев назад. Первые несколько дат записаны взрослым почерком, но большинство из них Дэнни делал уже сам, и заметно, как круглые детские каракули постепенно эволюционировали по мере того, как рука его становилась тверже. Отметки заканчиваются примерно на высоте локтя Харди. Тяжкая печаль пробивает его профессиональную броню, и он садится на кровать, опустив голову на руки. У некоторых людей слезы прячутся за глазами яблоками, но когда плакать хочется Харди, ему приходится сдерживать их задней частью своего горла. Иногда ему кажется, что там находится единственная мышца его тела, где еще осталась сила.

Когда он снова поднимает глаза, на площадке лестницы стоит Бэт и смотрит прямо на него. Он видел это выражение лица раньше, у другой матери, и поэтому вынужден отвернуться. И вовсе не бесконечной скорби в глазах он не может вынести, а той веры, безоговорочной веры, которую она уже вложила в него.

Чуть позднее на пристани Харди ждет встречи со своим боссом. Разговора со старшим офицером полиции Дженкинсон ему не избежать, и он заранее может предугадать, что будет говорить она и что будет на это отвечать он. Слева от него находится пляж, на котором нашли Дэнни, поэтому он старается смотреть прямо перед собой. Здесь снуют маленькие моторные лодки, уклоняясь и уступая дорогу большим катерам, уверенно пересекающим неподвижные воды гавани. Напротив места, где он стоит, видны волнорезы, сложенные из больших обломков черных камней с неровными краями.

Когда Дженкинсон наконец подходит, в руках у нее – это ж надо! – две порции мороженого с торчащими палочками хрустящего печенья. Одна из них явно предназначена ему.

– Учитывая характер этого дела, вероятно, имело бы смысл передать его кому-нибудь другому из числа ведущих офицеров, – говорит старший офицер полиции, протягивая ему рожок.

Он старается скрыть от начальницы свое неудовольствие.

– Нет.

Харди готовил этот односложный ответ с момента, когда впервые увидел труп.

– Дело не в сомнениях относительно вашей квалификации, – говорит она, поднимая дорогие солнцезащитные очки на лоб. – Мы просто не хотим, чтобы как-то всплыл Сэндбрук.

– Я был полностью оправдан.

Он бы уже разбогател, если бы получал пять фунтов каждый раз, когда приходилось произносить эту фразу.

Дженкинсон облизывает свое мороженое.

– Алек, вы приехали сюда, чтобы отлежаться.

Она сама не понимает, насколько ошибается.

– Я приехал сюда выполнять то, чего требует служба.

– Но с точки зрения общественного восприятия вы можете быть очень уязвимы. Я даю вам возможность отступить. Никто вас за это не осудит. Это произошло неподалеку от вашего участка.

– Я уже познакомился с вашей командой. Там нет ни одного человека, столь же квалифицированного, как я.

Она не возражает. Ей нечем крыть.

– Сэндбрук не делает меня уязвимым. Он делает меня самой подходящей кандидатурой для этого задания. Хотите меня остановить – можете попробовать. – Он выдерживает ее взгляд, стараясь заставить раскрыть свои намерения. Не тут-то было. – Спасибо за мороженое.

Харди возвращается в участок. Завернув за угол, где Дженкинсон уже не может его видеть, он бросает рожок в гавань. Мороженое с всплеском падает в воду, а потом полностью тает.

6

Элли наблюдает, как их команда собирается на совещание, рассаживается с блокнотами на коленях. Она никогда не сталкивалась с такой атмосферой в их участке, и не только потому, что убит ребенок из их города. В комнате чувствуется напряжение, связанное с прошлым Харди. Несмотря на это, есть что-то захватывающее, почти вдохновляющее в том, как он широким шагом расхаживает перед ними, рассуждая вслух:

– Был ли Дэнни Латимер похищен? Имел ли кто-то доступ в этот дом, и если да, то каким образом? – По мере развития главной темы акцент его становится все более заметным. – Если это не взлом, то у кого были ключи? Нам необходимо собрать записи со всех камер видеонаблюдения в радиусе мили. Миллер, а члены семьи? Где были они?

Элли и в лучшие времена не любила неожиданно выступать перед командой, не говоря уже о том, чтобы оказаться в центре всеобщего внимания без предупреждения.

– Мать и дочь смотрели телевизор.

Она слышит, как дрожит голос, и от этого внутренне сжимается. ДК⁴ Фрэнк Уильямс и Ниш Пейтел, оба толковые парни, – они сняли форму патрульных всего несколько месяцев назад, и это их первое большое дело, – тщательно все записывают, тем самым только усиливая напряжение: Элли чувствует, что каждое слово, слетевшее с ее губ, должно быть очень точным, полезным и мотивирующим.

– Они говорят, что не выходили из дома до начала занятий в школе на следующее утро. Отец был на срочном вызове, он сантехник, вернулся около трех. Никому из родителей и в голову не пришло заглянуть к Дэнни, чтобы проверить, где он. Их бабушка живет рядом, она всю ночь была дома.

Харди внимательно смотрит на свою команду.

– Пока мы не будем готовы, вся информация остается конфиденциальной, *никаких сплетен*. Это понятно? Хорошо, тогда вперед, продолжаем. – Он делает странное движение руками, как будто подгоняет цыплят. – Вы, Миллер, едете со мной.

Они проходят мимо Боба Дэниэлса, который как раз выходит из туалета. Боб – старомодный коп, большой и грубоватый. Он играет в мини-футбол «пять на пять» в одной команде с Джо и Марком Латимером, а его мальчишка Джейден водится с Томом и Дэнни. Мысль о мальчишках, которую она все утро гнала от себя, напоминает Элли, что сегодня вечером, когда она вернется домой, нужно будет как-то сказать Тому, что его друг умер. Она еще никогда так не боялась предстоящего разговора.

Глаза у Боба красные, и он непроизвольно дышит неровно, как человек, который только что горько рыдал. Отголосок этого происшествия будет широким и глубоким. В Бродчёрче «степень удаленности»⁵ всех людей всего один или два. Сегодня вечером здесь будут плакать большие мужчины.

Им нужно контролировать распространение слухов. Всякие спекуляции уже пошли в ход, но официальное заявление запланировано не раньше вечера. Элли подозревает, что к местным, особенно к одноклассникам Дэнни, эта новость дойдет раньше и совершенно недвусмысленно. Ей нужно спросить в пресс-бюро, что делать. Подобных прецедентов не было. Должны ли они позвонить в школу? Если да, то что сказать? Срочные уведомления обычно доводятся родителям через текстовые сообщения, но в данном случае это всем покажется оскорблением. Если бы она могла, то лично постучала бы в каждую дверь,

⁴ Детектив-констебль.

⁵ Согласно теории «Шесть степеней удаленности», любых двух людей на Земле можно связать друг с другом через цепочку максимум из шести общих знакомых.

чтобы информация передавалась лицом к лицу, от матери к матери, от семьи к семье. Но она не может этого сделать. Она нужна здесь.

Во время недолгого пути в газетный магазин Джека Маршалла Харди погружен в угрюмое молчание. После нескольких попыток завести вежливый разговор Элли наконец сдаётся и позволяет себе углубиться в собственные мысли.

Она изо всех сил старается убедить себя, что это сделал какой-то случайный аморальный тип, не из их города, что-то вроде человека, проходящего «реабилитацию в обществе»⁶. Однако у этой версии сразу же возникают контрдоводы. Во-первых, через Бродчёрч просто нельзя проезжать. И ночью на скале у гавани нет никаких огней. Нужно очень хорошо знать это место, чтобы вообще понять, куда там ставить ногу, не говоря уже о том, чтобы оставить мертвое тело и после этого замести за собой все следы.

Кто же это тогда? Харди, который не делает секрета из того, что Бродчёрч ему не нравится, прорабатывает версию, что это кто-то из местных. Единственный человек в их городе, замеченный полицией в сексуальных домогательствах, – это старый распутник, который вот уже год как прикован к постели в доме для престарелых. Как в любом городе, в Бродчёрче есть целый ряд проблемных семей, однако в истории их внутренних потасовок и мелкой торговли наркотиками нет ничего такого, что предполагало бы, будто ситуация могла докатиться до убийства ребенка. Значит, это должен быть кто-то приличный или, по крайней мере, без темного прошлого.

Элли оглядывается по сторонам. Над головой светит солнце, и вид на набережную, как всегда, очень красив, но теперь она смотрит на красочные коттеджи и лодки, которые словно из книг с картинками, через фильтр подозрения, искажающий и затемняющий все, что находится в кадре. Убийцей Дэнни может быть любой из этих людей. Этот мужчина среднего возраста, который несет на плече ящик с рыбой, молодой парень на стремянке, моющий окно. В их сторону идет смутно знакомый ей мужчина в костюме с пенопластовым стаканчиком кофе в руке. Похож ли он на человека, который может задушить маленького мальчика? Он приветственно кивает ей. Элли краснеет, как будто он мог прочесть ее мысли, и опускает глаза. В момент, когда ей больше всего нужно быть наблюдательной, она, похоже, просто не может смотреть людям в глаза.

У нее противно сосет под ложечкой, и она понимает, что, вероятно, знает *того* человека. Не близко, не по имени, но это может быть кто-то вроде этого Мистера-со-стаканчиком-кофе, которого она видит каждую неделю, кто-то, кому она кивает при встрече, кто-то, кто до сих пор не доставлял им никаких проблем. И если убийцу знает она, то его с таким же успехом знает и половина города. Жители Бродчёрча, может быть, не так уж сплочены, но все же связаны между собой.

Но *кто он?*

Этот вопрос начинает повторяться в ее голове, и тут ее мысли прерывает Харди.

– Ваш сын, Миллер, – говорит он. – Они с Дэнни были друзьями. Мне необходимо поговорить с ним.

«Ну, это мы еще посмотрим», – думает Элли, хотя вслух ничего не говорит. Должен быть кто-то еще, кто мог бы допросить Тома; возможно, кто-нибудь из женщин-ДК. В любом случае этот нервный, угрюмый мужчина, который к другим людям даже по имени обратиться не может, просто не в состоянии деликатно или эффективно общаться с ребенком, который потерял друга.

⁶ «Реабилитация в обществе» – политика Консервативной партии Великобритании в 1990-х годах, направленная на реабилитацию части людей с нарушениями психики путем их возвращения из клиники в общество.

Для начала пусть он просто перестанет говорить с ней, как сержант-майор. Во всяком случае, стоит попробовать. Элли берет себя в руки и решается.

– Сэр, не могли бы вы не называть меня Миллер? Я не очень привыкла к обращению по фамилии и предпочла бы, чтобы вы звали меня Элли.

Пауза так затягивается, что она уже начинает сомневаться, слышал ли он ее вообще.

– Элли. – Харди произносит это с осторожностью, как будто впервые говорит на чужом языке. – Элли. – Он морщит нос. – Нет.

Из-за него она чувствует себя неопытным стажером-практикантом. Она до боли прикусывает язык.

Джек Маршалл возглавляет местную Морскую бригаду и еще держит газетный магазин. Хотя он родом не отсюда, но живет здесь уже так давно, что стал непременным атрибутом Бродчёрча. Взрослые находят его суровым, но дети любят: есть в нем какая-то честность, к которой они тянутся. Перед его магазином выставлены на продажу детские наборы из ведерок с лопатками, почтовые открытки, а также вертушки на палочке и давно устаревшие сачки для ловли креветок. Внутри магазинчика полки за прилавком от пола до потолка заставлены банками с конфетами. Джек считает, что самообслуживание, когда покупатели сами набирают себе разные сладости, – это рассадник бактерий, поэтому все взвешивает лично, как это делалось во всех магазинах, когда Элли была маленькой. Он продолжает использовать старые, имперские единицы измерения, наряду с метрическими мерами. Том и сейчас любит приходить сюда, обращаясь к Джеку по имени и заслушиваясь грохотом леденцов, когда они падают на весы.

Когда они заходят, по магазинчику проносится ветерок и вздымает занавеску из цветных пластиковых лент, которая отделяет торговый зал от складских помещений. Джек одет в рубашку с галстуком и кардиган, который носит круглый год. Такое впечатление, что он ждал их: в кои-то веки расчесаны его длинные, до плеч, волосы – пережиток семидесятых годов.

– Дэнни сегодня утром не появился за разноской... – начинает Элли.

– Я подумал, что он заболел.

Лицо и голос Джека Маршалла совершенно ничего не выражают.

– Он часто пропускал работу?

– Все они пропускают время от времени.

Похоже, он решил использовать как можно меньше слов. Элли оглядывается на Харди в ожидании помощи, но тот небрежно листает журналы, как будто не слушая их.

– Но вы не перезвонили ему, чтобы проверить?

– У меня на это нет времени, я тут один.

До нее доходит, что Джек до сих пор не спросил, в чем же, собственно, дело.

– А как Дэнни выглядел вчера?

Джек сует руки в карманы.

– Да как обычно.

– Вы не заметили каких-либо изменений в его поведении за последние несколько недель?

– Во-первых, он появлялся здесь на пятнадцать минут. И я не психоаналитик.

Джек никогда не был душой компании, но его раздражительность – это что-то новое.

Харди поднимает на него глаза.

– Вы женаты?

На вопрос, заданный таким образом, правильного ответа не существует. Джек выдерживает его взгляд.

– Нет. А вы?

Харди не отвечает. Элли смотрит на его левую руку. Кольца на ней нет.

– Они принесли его сюда, Марк и Бэт, – ни с того ни с сего говорит Джек. – Ему было тогда три дня отроду.

Интонация его почти не изменилась, но в глазах исчез фокус. Он смотрит куда-то вдаль, как будто на призрака.

7

Дэнни лежит на столе в патологоанатомической лаборатории, тело его по маленькие круглые плечи укрыто белой простыней. Элли кажется, что он сжался и стал меньше с тех пор, как она видела его в «приделе вечного покоя» – морге. Она не может сказать, связано ли это с тем, что сейчас он лежит на большом столе, с тем, что он сейчас обнажен, или же это смерть уменьшила его. Теперь уже смерть со сном перепутать нельзя, и ощущение, что он может вдруг с криком вскочить, чтобы испугать ее, пропало.

Она раньше никогда не встречалась с патологоанатомом Джеймсом Лавгудом. В помещении стоит кисловатый запах дезинфицирующего средства, и она задумывается, уносит ли он его с собой на одежде и в волосах, когда возвращается домой. Она буквально чувствует, как этот запах проникает во все поры.

– Мне осталось еще семь недель, – говорит он. – Они просили меня остаться еще на три месяца, пока найдут замену на это место. Но я подумал, что семь недель здесь будет нормально. – Он вытирает глаза. – Больше всего меня расстраивают дети. И всегда так было.

– Что вы нашли? – прерывает его Харди.

Тон Лавгуда соответствующим образом меняется.

– Поверхностные порезы и кровоподтеки на лице. Никаких повреждений, связанных с падением. Причиной смерти стала асфиксия. Он был задушен. Кровоподтеки на шее и горле, а также в верхней части позвоночника. Расположение кровоподтеков указывает на большие кисти рук; предположу, что нападавший был мужчиной. Нападение должно было быть жестоким. Угол указывает на то, что он должен был стоять лицом к атакующему. Он должен был его знать. – Он делает глубокий вдох. – Простите. Сексуального насилия, слава богу, не было.

Несмотря на облегчение, связанное с этим сообщением, мысли у Элли в голове кружатся стремительно. Что это означает для других детей? Жуткие вещи редко случаются в вакууме. Модель, систему – вот что нужно искать. Повторение и параллели. Что, если есть еще какой-то маленький мальчик, который также является обладателем секрета, которым Дэнни уже никогда не сможет поделиться? От мысли о том, что какой-то другой ребенок может хранить эту страшную тайну, Элли хочется кричать.

– Время смерти? – совершенно будничным голосом спрашивает Харди, как будто они обсуждают расписание автобусов.

– Я бы сказал, между десятью часами вечера в четверг и четырьмя часами утра в пятницу. – Он тяжело вздыхает. – У нас здесь никогда такого не было. Обязательно найдите его.

– Найдем, – торжественно обещает Элли.

Следственная бригада прочесывает берег, все отпуска отменены, каждый полицейский либо на поквартирном обходе, либо сидит на телефоне. Кто знает, что еще успело всплыть, пока их с Харди не было? Если повезет, они уже к ночи произведут арест.

Хлоя переделалась, сменив школьную форму на джинсы и куртку с капюшоном.

– У нас молоко закончилось, – заявляет она, сунув голову в холодильник. – Схожу в магазин...

Не успевает она договорить, как Марк вскакивает с места и врывается в кухню.

– Никуда ты не сходишь!

Мягкий ответ Хлои показывает, что она все понимает.

– Папа, ничего со мной не случится. *Ну пожалуйста.* Мне нужно на воздух. – Она поднимает мобильный, демонстрируя, что берет его с собой. – Я ненадолго, обещаю.

Она выходит через заднюю дверь. На дорожке сбоку от дома Хлоя открывает сумку и заглядывает туда. На нее своими пуговичными глазами смотрит Большой Шимпанзе, похищенный из комнаты Дэнни. Сунув руку в сумку и держа игрушку за маленькую лапку, она проходит мимо магазина на углу. Улицы переходят в переулки, а те, в свою очередь, – в дорожки между домами. Хлоя преодолевает пологий подъем, который выводит ее в верхнюю точку города.

Дин уже ждет ее, прислонившись к перевернутой лодке. Рядом стоит его мотоцикл, на нем висит шлем, который он прихватил для нее. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но в последний момент оказывается, что слов нет, и вместо этого он просто целует ее.

– Я понимаю, – говорит Хлоя. – Мне и самой это кажется нереальным.

Некоторое время они просто стоят, глядя на раскинувшийся перед ними город, в котором выросли. Дин поправляет волосы, упавшие Хлое на глаза.

– Полиция уже у вас? – спрашивает он срывающимся голосом. – Они знают о нас? Ведь тебе еще нет шестнадцати.

– Никто ничего не знает, – говорит Хлоя, забрасывает ногу и садится на мотоцикл. – Поехали.

– Уверена?

Вместо ответа она опускает на лицо забрало шлема.

Внизу на пляже все выглядит совсем иначе, все даже слишком реальное. У оградительной полицейской ленты собралась толпа. По другую сторону этого ограждения, у подножья обрыва – на том месте, где было найдено тело Дэнни, – натянута большая белая палатка для сбора улик. Туда постоянно входят и оттуда выходят люди в белых комбинезонах.

Стараясь, чтобы ее не заметили, Хлоя подбирается как можно ближе и останавливается у спасательного пояса, становится на колени и кладет Большого Шимпанзе под него. Несколько секунд лицо ее остается неподвижным, но потом сдерживать слезы уже нет сил. Дин опускается рядом с ней на корточки. Она оседает у него на руках, и он почти несет ее к мотоциклу. Большой Шимпанзе остается лежать, на губах его застыла снисходительная полуулыбка.

Но кое-кто их заметил.

В толпе находится Олли Стивенс с удостоверением журналиста «Эха Бродчёрча», болтающимся на шнурке у него на шее. От ужаса у него отвисает челюсть. Он вытаскивает из кармана мобильный и, не отрывая глаз от юной парочки, звонит своему контакту в полиции графства Уэссекс, который по совместительству является сестрой его матери.

Элли отвечает очень сдержанно – так всегда бывает, когда она на дежурстве, поэтому он сразу переходит на деловой тон репортера.

– Я только что видел на пляже Хлою, – говорит он. – Так это Дэнни Латимер?

– Я не могу говорить с тобой об этом. Это неправильно, Оливер.

Оливер... Обращение не как профессионала к профессионалу, а как тети к неугомонному племяннику. Олли злится.

– Это не подтверждение твоих догадок, я ничего не подтверждаю! – настаивает она.

Но лучшего подтверждения Олли и не нужно. Он сбрасывает вызов. Через несколько секунд Элли перезванивает ему, но он отключает звонок мобильного.

Ревет мотоцикл, голова Хлои лежит у Дина на плече. Из-под проснувшихся колес бьет фонтан песка. Но взгляд Олли направлен в другую сторону – на палатку под обрывом. Он мотает головой, некоторое время смотрит на свой телефон, а потом медленно, даже украдкой, набирает адрес аккаунта «Эха Бродчёрча» в твиттере.

Источник «Эха Бродчёрча» полагает, что тело, найденное у скал на набережной, принадлежит одиннадцатилетнему Дэниелу Латимеру. Причина смерти не объясняется. Подробности далее.

Палец его на полминуты замирает над горячей кнопкой твиттера, прежде чем отправить сообщение. Он смотрит на игрушечного шимпанзе Дэнни, и триумф на его лице сменяется виноватым выражением. Штатный репортер Оливер Стивенс только что передал свою первую большую сенсационную новость, но цена этого красноречиво написана на его лице.

Дом Бэт оказывается местом преступления, а двери спальни Дэнни, словно скрещенные кости на эмблеме смерти, перегораживают две полицейские ленты. Она словно в тумане следит за тем, как полицейские из следственной бригады в белых костюмах спускаются по лестнице.

У нее просят свежую фотографию Дэнни, и она, перебирая снимки в своем мобильном, вдруг понимает: они уже давно специально не фотографировали сына. Почему они перестали снимать своих детей для семейной истории? Фотографии даже шестимесячной давности уже не передают сходства. Он менялся так быстро.

В конце концов она останавливается на школьной фотографии. На ней волосы Дэнни аккуратно причесаны. Она помнит, как в то утро, когда их должны были фотографировать, сама расчесывала их на пробор и еще взяла с него обещание, что он не будет портить прическу, пока их не снимут. Ее восторг, что он послушался ее, сменяется смутением, когда они получают фото на руки: улыбающийся опрятный ребенок на снимке совершенно не похож на ее неопрятного и задиристого Дэнни. Но этому снимку всего месяц, он самый четкий и с лучшим разрешением. Он кажется ей подходящим. Они ведь всегда берут для этих целей школьные фотографии, не так ли?

Лиз готовит чай с тостами, направив все, что чувствует в душе, на приготовление еды и материнские обязанности. Они уже устали останавливать ее. Инспектор Харди берет чашку, которую она протягивает, и, не поблагодарив, ставит рядом с собой. Потом складывает руки, прижимая кончики пальцев друг к другу, и смотрит Марку и Бэт в глаза.

– У нас есть некоторые предварительные результаты, – говорит он. – Мы рассматриваем смерть Дэнни как вызывающую подозрения. Мы думаем, что он мог быть убит.

Такое впечатление, что Харди читает заранее подготовленный текст. Возможно, в каком-то смысле это правильно – так и следует сообщать подобные вещи людям, находящимся в положении Бэт.

Она не знает, как на это реагировать, и поэтому просто стоит на месте. Бэт жалеет, что никто не может и ей предложить заготовленный текст, чтобы она могла произнести правильные слова и действовать так, как и положено скорбящей матери, – может быть, тогда они оставят ее в покое.

– Мой мальчик...

Марк плачет, и она завидует его слезам.

– Что же будет дальше? – спрашивает Бэт.

Она имеет в виду остаток своей жизни, но Харди воспринимает вопрос буквально.

– Ну, чуть позже мы должны сделать официальное заявление для общественности, но не хотелось бы делать этого без вашего разрешения, – говорит Харди.

«Он хорошо разбирается в ситуации, – думает Бет. – Для кого-то это трагедия всей жизни, а для него – повседневная работа». Эта мысль одновременно и утешает, и шокирует.

– Пока что нам необходимо собрать как можно больше улик. Я возвращаюсь в участок, предоставляя поле деятельности для Брайана. – Он показывает в сторону одного из мужчин

в белом комбинезоне, который снимает маску с лица и превращается в живого человека. – Мы свяжемся с вами. Скоро. Я обещаю, что мы найдем виновного. Даю вам слово.

Бэт цепляется за слово детектива-инспектора Харди. Когда он говорит со всеми ими, ей почти нравится его холодная, отрешенная манера. Это выглядит обнадеживающе профессионально.

Когда Харди уходит, Лиз выливает его нетронутый чай в раковину и тут же снова наполняет чайник, а потом нарезает свежую буханку хлеба. Бэт следит, как длинное, с зубринами лезвие поблескивает в свете лампы, и думает о нем применительно к себе. Интересно, если воткнуть этот нож в себя, – сначала она хочет в живот, но потом что-то вспоминает и останавливается на бедре, – почувствует ли она боль? Комнату наполняет дрожжевой запах теплых тостов. Перед Бэт ставится еще одна тарелка, которая, как и предыдущая, осторожно отодвигается.

Брайан Янг спускается с лестницы так тихо, что Бэт замечает его только тогда, когда он вежливо откашливается.

– Мы собираемся забрать компьютер Дэнни и изучить его, – негромко говорит он. Его руки в латексных перчатках держат выдавший виды старенький ноутбук, обклеенный стикерами «Манчестер Сити».

– А они вернут его? – спрашивает Лиз.

– Сразу же, как только проверят.

Когда Брайан опускает ноутбук в чистый пластиковый пакет для вещественных доказательств, Бэт охватывает беспокойство. В голове всплывают газетные заголовки насчет компьютерного хулиганства, перебранок в сети и на форумах, чистки памяти. Они с Марком никогда по-настоящему не рылись в компьютерах своих детей: частично – уважая их частную жизнь, а частично – потому что толком не знали, что искать и как это делать. Дэнни является главным специалистом по технике в их семье.

Дэнни является...

Дэнни являлся.

Точка напряжения внутри нее смещается, и она вскрикивает от боли. Первое ощущение онемения начинает уходить, и она, неожиданно для себя, вдруг отчаянно хочет его вернуть.

Внезапно в гостиной появляется Хлоя со смартфоном в руке. Глаза ее пылают.

– Почему вы обнаружили его имя? – кричит она на Брайана, суя монитор ему под нос. – Оно уже выложено в твиттере «Эха Бродчёрча».

Все четверо дружно поворачиваются к Брайану. Он в замешательстве.

– Вам необходимо поговорить об этом с ответственным офицером, – наконец говорит он.

8

Офис редакции «Дейли геральд» высится над влажными тротуарами Лондона на высоте семи этажей. Старший репортер Карен Уайт сидит под шумным кондиционером и под постоянные зевки коллег по работе, лениво отщипывая кекс, пытается слепить пресс-релиз насчет государственных субсидий ветровым электростанциям.

Время от времени она проверяет свою электронную почту – в большей степени, чтобы не заснуть, чем из-за того, что может произойти что-то интересное, – когда вдруг в почтовом ящике появляется срочное сообщение, от которого в ее вены бьет заряд адреналина. Несколькими нажатиями клавиш она быстро находит местные новости из Дорсета – и вот он, человек, за которым она следит, детектив-инспектор Алек Харди, который сейчас выглядит, пожалуй, даже суровее, чем тогда, когда она видела его в последний раз.

– Это короткое заявление, подтверждающее, что сегодня утром на пляже Харбор-Клифф у Бродчёрча было найдено тело одиннадцатилетнего мальчика, – говорит он в камеру. – Позднее ребенок был опознан. Это Дэниел Латимер, проживающий в этом городе. Мы рассматриваем его смерть как вызывающую подозрения. Наше расследование продолжается, и сегодня вечером состоится полноценный брифинг.

Несколько секунд у Карен уходит на то, чтобы переварить новость о том, что он получил новое место работы после Сэндбрука, и вот уже ее пальцы летают над клавиатурой, пока она отслеживает источник информации. Первое упоминание об этом деле оказывается в твиттере местной газеты, но более подробного рассказа на их веб-сайте нет, причем ни одно из больших национальных изданий на это еще не отреагировало. Это хорошо. Значит, есть время, чтобы этот сюжет стал ее. Дверь редактора открыта: Карен проверяет свое отражение в зеркале, приглаживает длинные темные волосы, стянутые в конский хвостик, и поправляет воротничок сшитого на заказ жакета, считающегося деловым костюмом, хотя он старит ее лет на десять. Стучать она не удосуживается. Зубы у Лена Данверса прорезались на Флит-стрит⁷ еще тогда, когда пресса считалась королевой. Он полагает, что манеры в условиях спешки только мешают.

– Ты что, издеваешься? – говорит он, после того как она вкратце обрисовывает ситуацию. – Пусть агентства изложат эту историю, а ты ее потом отполируешь. Одиннадцатилетние мальчишки вечно попадают в неприятности.

– Но это же *Алек Харди*, – возражает она. – И сюжет *о нем*.

– Только если он еще раз облажается. – Данверс делает неопределенный жест в сторону бухгалтерской книги, лежащей на его столе. – Сама знаешь, что у нас сейчас с бюджетом. Прости, Карен. Мой ответ: нет.

Она возвращается к своему столу и тяжело опускается во вращающееся кресло. Пресс-релиз относительно субсидий ветровым электростанциям в ее отсутствие сам собой не слепился. Десять минут она продолжает мучиться над ним, а затем вновь переходит на аккаунт «Эха Бродчёрча» в твиттере. Имя журналиста Олли Стивенс, а в его профайле записано: «Бесстрашный репортер напористой местной газеты *Эхо Бродчёрча*». Она пробивает его имя по Гуглу. Он выложил свое резюме и образцы работ в онлайн и утверждает, что обладает амбициями, чтобы стать ведущим журналистом общенационального издания. Карен набирает его номер и с удовлетворением отмечает восхищение в его голосе, после того как представилась.

⁷ Флит-стрит – улица в Лондоне, где до недавнего времени располагались редакции главных британских газет; фигурально – британская пресса.

– Я увидела, что это вы подняли историю Дэнни Латимера, – говорит она. – Возможно, я приеду, чтобы освещать ее. И хотела узнать, могли бы вы сообщить мне кое-какие подробности. Выпивка за мой счет.

Разумеется, он соглашается. Карен сворачивает свой сюжет насчет ветровых электростанций, после чего звонит в отдел кадров. Она в этом году много и упорно работала и не брала пока что ни одного положенного ей отгула. Так что они ей должны.

Стоит жара, и асфальт влажно поблескивает под солнцем. Расплывчатый силуэт черного такси по мере приближения становится все более четким. Карен останавливает его и просит водителя отвезти ее на вокзал Ватерлоо.

Проклятый *твиттер*. Сердце Харди обрывается при мысли о том, какую работу им придется проделать теперь, чтобы восстановить доверие к себе семьи Латимеров. Когда он уходит из участка, ДС Миллер все еще пытается как-то извиниться за своего племянника. Харди это не интересно. И все же после утреннего нагоняя он уверен, что она больше этого не допустит. Что за день такой! Что за чертов день!

От свежего воздуха на улице в голове не прояснилось – наоборот, он чувствует себя даже хуже. Частое поверхностное дыхание и расплывающееся в глазах изображение являются предвестниками очередного приступа, и все, чего хочется сейчас Харди, – упасть на свою постель, чтобы *это* не произошло с ним на людях.

Чтобы открыть тяжелую дубовую дверь в «Трейдерс хотел», требуется немалое усилие. Он сам решил поселиться в гостинице – подбирать себе что-то более постоянное означало бы признать, что он приехал сюда надолго, – хотя предпочел бы жить анонимно в каком-нибудь отеле национальной гостиничной сети на окружной дороге. Здесь очень мило – полы из натурального камня, на стенах современная живопись, колористика от фирмы «Фэрроу & Болл», – но ключи висят на гвоздиках за стойкой администратора, а это означает необходимость вступать в разговор каждый раз, когда он приходит или уходит.

– Тяжелый выдался денек, долгий, да? – говорит Бекка Фишер, когда он протягивает руку за ключом.

Она довольно симпатична со своим гламуром пляжной блондинки, выдающим в ней австралийку еще до того, как она заговорит. Бекка ему вполне нравится – нравится на нее смотреть, по крайней мере, – однако он не хочет, чтобы она сделала его день еще более долгим.

– Настоящая трагедия, – продолжает она, не обращая внимания на его нетерпение. – Представить трудно, что пришлось пережить этой семье. Мы все тут в шоке. Знаете, ведь Хлоя работает здесь по субботам. Но не думаю, что я завтра ее увижу. Не то чтобы она была мне очень нужна... У меня сегодня и так уже две отмены брони было.

Харди мысленно отмечает информацию относительно Хлои, но в ответ только кивает Бекке. Он уже ставит ногу на нижнюю ступеньку лестницы, когда кто-то окликает его по имени. Он поворачивается медленно, чтобы не потерять равновесие.

Замечательно! Это тот бродячий репортер, племянник Миллер. Рядом с ним – блондинка средних лет, которая стоит с таким видом, будто готова схватить его за горло.

– Мэгги, редактор «Эха», – представляется она, протягивая ему руку.

Харди вяло пожимает ее. Мэгги подталкивает Олли, и тот говорит:

– Я совершил ошибку, выложив эту новость. Простите меня.

– За такие вещи мне следовало бы подвесить его за яйца на шпиле ратуши, – говорит Мэгги. – Все репортажи об этом теперь будут идти исключительно через меня. «Эхо» работает *в сотрудничестве* с полицией. Я сама поговорю с Латимерами и принесу им наши извинения.

Харди медленно щурится.

– Не путайтесь у меня под ногами, – говорит он Олли.

Похоже, на его пути к свободе появляется еще одно препятствие. Бекка Фишер следует за ним по пятам до самого конца первого пролета.

– Как вы думаете, завтра пляж будет открыт? Мне просто нужно знать, что говорить гостям.

– Я иду наверх, – говорит Харди, берясь рукой за поручень: с одной стороны, чтобы опереться, с другой – чтобы продемонстрировать твердость своих намерений.

От усилий, потраченных на то, чтобы преодолеть два пролета лестницы, Харди вспотел и запыхался.

Добравшись наконец до своего номера, он освобождает карманы пиджака: бумажник приземляется на прикроватную тумбочку и открывается на фотографии человека, лицо которого продолжает преследовать его. На снимке маленькой девочки свет падает сзади, и ее волосы похожи на ореол. Смотреть на нее больно. Тем более видеть ее всякий раз, когда он открывает бумажник. Прежде чем он успевает ослабить галстук или развязать шнурки, ноги отказывают ему, и он валится в кресло. Взгляд его упирается в отпечаток на холсте с изображением скал Харбор-Клифф, висящий на дальней стене. Даже здесь не удастся скрыться от этого проклятого места. Притом что в мире столько разных других пляжей...

По спине бежит холодный пот, и Харди вдруг понимает, что таблетки находятся в другом конце комнаты. На то, чтобы встать, добраться туда и проглотить их, уходят все имеющиеся у него в наличии силы.

9

Элли и Бэт стоят спиной к скалам и смотрят на воду. На золотистом небе низко висит розовое солнце. Вокруг почти никого нет – то ли из страха, то ли из уважения. Даже море ведет себя сдержанно в это время – прилив сменяется отливом. Элли, которая боится сказать что-то не то, испытывает облегчение, когда Бэт заговаривает первой.

– Я часто приносила его сюда, когда он был совсем маленьким, – говорит она. – Середина дня, и только мы с ним на пляже. Я поднимала его и опускала в волны, а когда вода омывала его маленькие пухлые ножки, резко поднимала вверх. Господи, как же ему это нравилось, он всегда смеялся как сумасшедший! – Она улыбается, и это самая печальная картина, которую Элли видела когда-либо в своей жизни. Без всякого перехода Бэт вдруг с силой бьет себя кулаком в грудь. – *Здесь*, Элл, пусто, ничего нет. Как будто я головой понимаю, что случилось, но не могу ничего почувствовать.

– Думаю, это шок.

– Обещай мне ты, Элли, потому что о твоём боссе я не имею ни малейшего представления... – Под ложечкой у Элли снова тоскливо сосет, потому что она понимает, что Бэт по-прежнему не связала имя Харди с Сэндбруком. – Но нам-то с тобой есть что вспомнить. И нашим *мальчикам* тоже. И я рассчитываю на то, что ты его поймашь.

– Клянись тебе, – говорит Элли.

Может быть, сказать Бэт сейчас? Уж лучше она узнает это от нее, от подруги, чем сделает выводы сама или поймет из газет. Элли набирает побольше воздуха в легкие, но ловит на себе умоляющий взгляд Бэт.

– Он ведь знал, да? Как я люблю его.

Момент упущен. Как может Элли в ответ на такой вопрос выкладывать ей свою правду про Сэндбрук? Она выберет другой день, чтобы все рассказать. А до пресс-конференции все равно ничего не выяснится.

– Что ты, – говорит она Бэт, – конечно, он знал. Он был *замечательным* мальчиком. Ты не заслуживаешь такого.

Бэт отворачивается.

– У меня такое ощущение, будто я сейчас очень далека от самой себя.

Солнце касается горизонта и, кажется, зависает там навеки.

Элли паркуется перед своим домом на Лайм-авеню и еще долго смотрит на него, вместо того чтобы сразу выйти из машины. Пять минут здесь для нее обычно достаточно, чтобы переключиться с работы на домашний лад, но сегодня все границы нарушены и сделать это не получается. В спальне Тома горит свет, у Фреда занавески задернуты, и это означает, что он уже спит. Благодарность за то, что ее дети по-прежнему на месте, вдруг сменяется вызывающим тошноту чувством вины. Это вина выжившего, которую она ощущает опосредованно, через сына: она задумывается, чувствует ли Том реальность произошедшего.

Должно быть, Джо услышал, как она вставляет ключ в замок, потому что ждет ее в прихожей, чтобы обнять. Он выглядит опустошенным. Элли прячет лицо у него на груди: от Джо пахнет йогуртом и детскими влажными салфетками, и его знакомое крепкое тело – это как раз то, что ей сейчас нужно.

– Ты в порядке? – шепчет он ей на ухо.

Элли кивает ему в плечо, хотя это и неправда.

– Я заехала, только чтобы принять душ, потом мне нужно обратно. Том уже знает?

Джо размыкает руки и качает головой.

– Он наверху. Я старался удержать его подальше от всего этого. – Он испуганно прижимает ладонь к губам, словно боясь задать следующий вопрос. – А нам тоже есть чего беспокоиться? За других детей?

– Не знаю, – честно отвечает она. – Я хочу сказать, мы должны пристально следить за Томом, но одиночный это случай или...

Она не может договорить эту фразу: слишком жутко думать о том, что такие вещи могут повториться.

Джо гладит ее по щеке.

– Мне очень жаль насчет твоей должности, – говорит он.

Контраст между утренним ощущением счастья и полным отчаянием вечера является тем тормозом, который Элли нужно отпустить, чтобы поплакать.

– Я видела, как он там лежал... – говорит она. – И я не знаю, смогу ли сделать это.

Джо бормочет какие-то слова утешения и нежно покачивает ее.

– Эй! – говорит он через некоторое время. – Впрочем, ладно, неважно.

– Что?

Джо качает головой.

– Это может подождать. Тебе нужно возвращаться на работу.

Он всегда так делает, причем *знает же*, как это ее бесит.

– Я буду не в состоянии сосредоточиться на работе, если стану думать о том, что ты хотел мне сказать.

– Заходила Люси.

Джо сжимается в пантомиме ужаса, который лишь отчасти является наигранным. Он всегда немного побаивался Люси, и последняя стычка, когда он видел ее во время перебранки между двумя сестрами, громкой ссоры по поводу пропавших в доме денег, явно не способствовала улучшению ситуации. Причем он, вероятно, после этого начал побаиваться и Элли тоже. Она и вспомнить уже не могла, когда в последний раз так злилась.

– Она барабанила в дверь по-настоящему громко, – говорит он. – Фред дремал, так она его разбудила.

Было не похоже, что Люси приходила, чтобы извиниться, хотя это было единственное, что Элли хотела бы сейчас от нее услышать.

– Пошла она к черту. Надеюсь, ты ей так и сказал?

– Я не смог найти подходящих слов.

Она медленно поднимается по лестнице, лелея надежду, что Том уже спит и она сможет отложить задуманное до утра. Но он, от усердия высунув язык, играет в какую-то игру на своем телефоне. Несколько мгновений она молча следит за этой версией своего сына, наслаждаясь последними секундами его детства. Потом тихонько входит и присаживается на край кровати.

– Ты знаешь, что Дэнни сегодня не было в школе? – спрашивает она.

Он мгновенно улавливает ее напряжение.

– И что?

В голосе его слышится страх.

Элли берет Тома за руку.

– Том, солнышко. Дэнни умер. – Тот никак не реагирует. – Мне очень жаль...

Он часто моргает. Элли знает, что его слезы уже на подходе, и видит, каких усилий ему стоит сдерживать их.

– Как это случилось? – наконец выдавливает из себя Том.

– Мы пока точно не знаем. Его нашли на пляже, рано утром.

– А его мама с папой знают?

Солипсическая наивность этого вопроса, мысль о том, что она рассказала бы – или могла бы рассказать – об этом Тому раньше, чем Бэт и Марку, разбивает ей сердце.

– Да. Так что... Послушай... Когда кто-то умирает неожиданно, это оставляет в душе большое незаполненное пространство. И это нормально, если становится грустно или хочется плакать.

Эти слова ей самой кажутся каким-то памфлетом по поводу тяжелой утраты.

– О'кей. А ты... Я хочу сказать, а полиция захочет задать мне какие-то вопросы?

– Да. Есть что-то такое, что ты хотел бы сказать мне прямо сейчас? – Она движется по очень тонкой грани между мягкостью и неопределенностью. – С Дэнни все было в порядке?

– Да. Конечно. – Он мнет в руках край одеяла. – А можно, я немного побуду один? – спрашивает он.

Элли думает о том, когда же он начал стесняться плакать при ней.

– Конечно.

Ко времени, когда она приняла душ и переоделась, Том уже спит. На улице темно. С арестом подозреваемого до наступления ночи ничего не вышло.

Когда Элли уже идет к двери, Джо сует ей в руку сэндвич. Она жует его по дороге в полицейский участок, уже за письменным столом запивает чашкой слабого чая и начинает просматривать составленный одним из детективов-констеблей список вещей, изъятых при осмотре тела Дэнни и его комнаты. В глаза ей бросается один момент – точнее, отсутствие одного предмета, – и сердце ее замирает. Она читает еще раз. Нет мобильного телефона. А он у Дэнни определенно был. Той же самой модели, что и у Тома. Элли оглядывается, чтобы рассказать об этом кому-нибудь, но она в офисе одна.

Отложив список в сторону, она приступает к просмотру записей с камер видеонаблюдения в центре города за прошлую ночь. Делает с экрана несколько снимков появившихся там фигур. Затем, на отметке времени 22:47, видит такое, от чего у нее перехватывает дыхание. Изображение очень крупнозернистое, но нет никаких сомнений в том, что мальчик, со свистом мчащийся на своем скейтборде по Хай-стрит, – это Дэнни Латимер. Какого черта он делает ночью на улице, да еще совсем один? Она покручивает этот фрагмент дважды.

– Эй, вы только посмотрите! – зовет она.

На этот раз за ее плечом материализуется Харди, одет он уже в другой костюм. Элли чувствует, как он наклоняется к ней.

– Он не был похищен. Он сам сбежал. Но зачем? Куда он направляется? С кем собирается встретиться?

Харди делает паузу, чтобы потуже затянуть галстук. Элли подбрасывает еще один вопрос.

– И куда подевался скейтборд?

10

Хлоя плачет у себя в спальне. Мягкие женские всхлипывания, хотя на этот раз она плачет уже по-взрослому, прерываются сигналами входящих на ее телефон сообщений.

– Хочешь, я обниму тебя? – шепчет Бэт в замочную скважину. – Знай, что я всегда рядом, когда буду тебе нужна.

Рыдания на секунду прекращаются.

– Я скоро спущусь, – говорит Хлоя.

Уже в следующий момент у нее звонит телефон, и она отвечает так тихо, что Бэт даже интонацию различить не может, не то что слова. С кем она говорит? О чем? Ей неприятно думать, что подруги Хлои – они хорошие девочки, но все же еще дети! – успокаивают ее, тогда как Бэт это не разрешается. Тем не менее она уважает запертую дверь. Больше всего на свете ей хочется сейчас обнять дочь, чтобы получить у нее – равно как и дать ей – утешение, но она не должна показывать это Хлое. Ей ведь всего пятнадцать. Умер ее младший брат. Ей хотя бы с этим справиться, не задумываясь о том, какая ответственность лежит сейчас на ней за душевное состояние матери. Поэтому Бэт пятится и спускается вниз. Руки ее тяжело и безвольно болтаются по бокам, и в то же время она ощущает, как несет на себе невыносимый груз избытка любви.

В холле, глядя на свой телефон, стоит Марк.

– Каждый раз, когда он звонит, я думаю, что это может быть Дэнни.

Его мобильный настроен так, что каждому номеру в телефонной книге соответствует свой сигнал. Клаксон для Найджа, «Джингл беллс» для Бэт. Для звонков от Дэнни – восторженный гул толпы. Они больше никогда не услышат этого.

– Мне все время кажется, что вот сейчас он войдет, – говорит Марк.

Они ведут этот разговор – или его повторяющуюся версию – целый день, отправляя друг другу послы своего неприятия случившегося.

– Ты прикасался к нему? Ну, в этом...

Закончить она уже не может. Марк качает головой.

– Они мне не позволили это сделать.

Ее бы они остановить просто не смогли. После того как первый ужасный вопрос прозвучал, второй вырывается уже невольно:

– Почему ты не заглянул к нему в ту ночь?

– Бэт... – начинает он, но она перебивает:

– Ты ведь всегда заглядываешь к нему, когда идешь спать!

Когда эти слова срываются с губ, она вдруг понимает, что не слышала, как Марк укладывался. Впрочем, ничего необычного в этом нет. Она отбрасывает эту мысль, чтобы снова перейти к обвинениям:

– Почему ты не заметил, что он ушел?

– А ты почему? – говорит Марк в ответ.

Этот вопрос буквально вонзается ей между ребер.

Ни у кого из них нет ответов на эти вопросы. Только обвинение и встречное обвинение. Неужели они и дальше будут так между собой? Про себя она торжественно клянется, что не позволит этому разрушить их брак. Ради Дэнни они должны оставаться сильными и вместе. Если уж ей довелось пережить такое, нужно, чтобы Марк был рядом с ней и на ее стороне.

Карен Уайт стоит на берегу и потряхивает своим конским хвостиком, давая возможность соленому морскому ветру сдуть с ее волос налет Лондона. Солнце до половины

опустилось за горизонт. Как она и ожидала, на берегу раскинулась импровизированная усыпальница. Шелестит целлофан на купленных в супермаркете цветах, в банках из-под варенья горят и стекают короткие свечи. В центре всего этого сидит маленький игрушечный шимпанзе. Пара подростков приклеивает на спасательный жилет липкой лентой открытку, а затем, взявшись за руки уходит, плача друг у друга на плече. После этого Карен остается одна. Она приближается к этому печальному маленькому мемориалу и становится перед ним на колени, словно в молитве. Быстро оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что никто ее не видит, она берет шимпанзе и прячет его в сумку. Затем Карен отправляется в зал местной школы на пресс-конференцию, пользуясь картой в телефоне, чтобы найти туда дорогу.

Как и все начальные школы, помещение кажется крошечным. За микрофоном сидит Харди, рядом с ним – старший офицер полиции, его начальница в униформе. Позади них расположен щит с эмблемой нового места работы Харди – полиции Уэссекса. За всем этим высится гора школьного инвентаря для физкультуры.

Харди смотрит мимо собравшихся представителей прессы в дальний конец комнаты, где поперек стены плывет бумажная рыба. Зал далеко не полный: одна съемочная бригада да несколько журналистов из печатных изданий. Такое впечатление, что остальная часть Флит-стрит согласна с Леном Данверсом. «Это хорошо», – думает Карен. Меньше конкурентов будет на этот сюжет. Она еще покажет ему! Карен остается в дальнем конце зала, позаботившись, чтобы никто ее не увидел.

По фотографии с веб-сайта она узнает Олли Стивенса и догадывается, что сидящая рядом высокая блондинка с бейджем «Эха Бродчёрча» на шее, должно быть, его коллега. Как только Харди представился, она тут же поднялась с вопросом.

– Мэгги Радклифф, редактор «Эха Бродчёрча», – говорит она.

Имя это Карен смутно знакомо, только она не может понять откуда.

– Какой совет вы можете дать жителям нашего города, особенно тем, у кого есть дети?

Свой ответ Харди адресует в камеру.

– Уровень преступности в этом регионе – один из самых низких в стране. Это просто ужасная аномалия. Мы находимся на ранней стадии расследования, которое может оказаться сложным.

На несколько секунд он отводит глаза от телеобъектива и окидывает взглядом зал. Карен с удовлетворением отмечает, что, заметив ее, он слегка вздрагивает, хотя камера этого не улавливает.

Он моргает и продолжает:

– Жизнь Дэнни затрагивала многих людей. Мы будем проверять все эти связи. Если вы или кто-то из ваших знакомых обладает какой-то информацией или заметил что-то необычное, пожалуйста, сразу же сообщайте нам. Я убедительно прошу каждого: не нужно ничего скрывать!

Оператор подходит так близко, что теперь лицо Харди занимает весь экран.

– Потому что мы все равно это обнаружим. Кто бы это ни сделал, мы поймем его.

На залив Харбор-Клифф наконец опускается ночь. Краски дня потускнели, но в палатках для сбора улик горит свет, отчего белый брезент кажется бледно-розовым. Следственная бригада продолжает работу, и этот свет напоминает свечение морских медуз.

Смерть Дэнни оказывается главной темой десятичасовых новостей. Латимеры смотрят телевизор, сидя на диване, и на их лицах застыло одинаково глупое потрясенное выражение.

На ферме Дин смотрит на свой телефон, пока коровы мирно бредут себе в тупом невежестве.

Бекка Фишер смотрит новости в компьютере на ресепшне у себя в гостинице. Она делает большой глоток неразбавленного виски и в третий раз за последние пять минут проверяет свой мобильный на предмет пришедших сообщений.

Олли Стивенс и Мэгги Радклифф, заканчивающие макет первой полосы в редакции «Эха Бродчёрча», прерываются и смотрят телевизор молча.

Найдж Картер, работавший всю ночь, чтобы компенсировать отсутствие Марка, смотрит выпуск новостей в доме у какой-то женщины, которая даже не знала Дэнни. Она плачет, но у Найджа глаза сухие.

Джек Маршалл один в своем пустом магазине; он слушает радио, сунув руки в карманы кардигана и плотно сжав губы.

Пол Коутс смотрит свой iPad в ризнице, где каменные стены увешаны фотографиями его предшественников в рясах.

Сьюзен Райт смотрит портативный телевизор в своем снятом с колес стационарном трейлере; на коленях у нее лежит голова собаки, в руке – сигарета. Она качает головой, потом медленно выпускает длинную струю дыма.

Джо Миллер, убиравший в гостиной, замер перед экраном. В каждой руке у него по мягкой игрушке.

Наверху, в своей спальне, Том Миллер, долго, очень долго смотрит на свой телефон. Он задумчиво покусывает губу, потом выражение его лица напрягается. Он оглядывается, чтобы убедиться, что Джо не подсматривает за ним из коридора. Все спокойно. Теперь, когда решение принято, он действует быстро. Первым делом он удаляет все сообщения от Дэнни – летопись их дружбы, длившейся много лет. Затем он садится за свой ноутбук и жмет на клавиши в последовательности, зарезервированной для экстренных случаев. На экране возникает предостерегающее сообщение: «Вы уверены, что хотите переформатировать жесткий диск? При этом вы потеряете все свои данные». Том кликает кнопку «Да».

Он снова оглядывается через плечо. На лице его не скорбь по товарищу. Это страх.

11

С первыми лучами солнца ДИ Харди, руководствуясь нарисованной карандашом картой, отправляется по маршруту, который по утрам, разнося газеты, проходил Дэнни. Харди идет как по береговым тропкам, так и по улицам жилых районов, охватывая большую территорию. Он взбирается на пологий склон, который выводит его на громадный заросший дерном луг высоко над берегом моря – бескрайний зеленый ландшафт. На уровне пояса белой пеной буйно цветет коровья петрушка. В заросших травой дюнах и пригорках Харди видит лишь места укрытия для тех, кому есть что скрывать. Вся земля изрыта норками кроликов, и их помет давится под подошвами его туфель, словно виноградины.

У тропы, идущей по вершине обрыва и похожей на дорогу в никуда, Харди замечает установленную на телеграфном столбе камеру видеонаблюдения. Проследив взглядом направление камеры, он видит одинокий сельский домик. Он выглядит здесь не на своем месте, как будто его забросило сюда ураганом, как домик Дороти из «Волшебника страны Оз». Такое впечатление, что под сильным порывом ветра он может запросто покатиться кувырком с горы. Харди идет по песчаной тропинке, тянувшейся через заросли дрока.

Подойдя вплотную, он приставляет ладони к лицу и смотрит через стекло. По виду это домик, сдаваемый внаем на выходные. Он необитаем, но хорошо ухожен, со вкусом украшен поделками из морских ракушек, на столе – красивая скатерть. По мнению Харди, так должна выглядеть тюрьма – свежий воздух, уединение, травка, бездонное небо, но он знает, что в мире полно идиотов, которые обожают подобного рода вещи.

Ему необходимо попасть внутрь.

На траве сначала появляется тень, а потом он видит женщину с коричневой собакой. Она не просто бесцельно гуляет здесь как пешая туристка – она хорошо знает это место. Харди делает шаг в ее сторону, но женщина, увидев его, разворачивается и убегает. Он слишком устал и находится очень далеко от своих лекарств, чтобы попытаться преследовать ее. Но с этого момента она у него на заметке.

Утром Элли первая спускается вниз и теперь на цыпочках ходит вокруг серебристых следов слизняка, которые появляются у них на ковре каждую ночь. Джо утверждает, что однажды он поймает виновника беспорядка и выдворит его обратно в сад. Джо отличается большим гуманизмом и вечно спасает всяких ползучих тварей – пережитки его прошлой жизни, когда он работал на скорой помощи. Элли становится на колени и вытирает самые обильные следы салфеткой. Если она когда-нибудь поймает этого скользкого маленького негодяя, то засолит его – но он очень умный и знает, когда они спят.

Внезапно она видит себя как бы со стороны. Как это патетично, как *оскорбительно* – переживать из-за следов какого-то слизняка, когда убит маленький мальчик! Она ощущает печаль как сильное давление откуда-то сверху: она должна на некоторое время опустить голову на пол. Элли лежит долго, тихо плача по Дэнни, пока шаги над головой не сигнализируют ей, что просыпаются ее мальчики.

Она наливает в стакан апельсиновый сок и несет его Тому. Джо ждет ее у кровати сына. Он выглядит изможденным, как после длительного перелета в другой часовой пояс.

– Ну как ты, дорогой? – Она протягивает Тому сок. – Тебе снилось что-то страшное? Ты кричал во сне.

– И что я говорил?

Пальцы его гладят край стакана, но он не пьет.

– Мы не смогли разобрать, – говорит Джо. – В какой-то момент ты сказал «Дэнни».

Том опускает глаза. Элли пытается вспомнить себя в одиннадцать лет и то, как невинные детские тайны могут раздуваться до гигантских размеров.

– Ты идешь на работу? – спрашивает он.

– Да. А папа свой день посвятит тебе.

– Мы с тобой ходим в магазин, возьмем напрокат любые диски, какие захочешь, потом купим попкорн, – слишком уж бодрым тоном говорит Джо. – Усядемся на диване под одеялами и будем смотреть кино. Что скажешь?

Тома все это ни на секунду не вводит в заблуждение.

– Я должен буду поговорить с полицией?

– В определенный момент, – отвечает Элли. – Не сегодня, я думаю. Разве что ты уже сейчас можешь рассказать что-то такое, что может нам помочь.

– Раз уж мне все равно придется говорить с ними, можно это будешь ты?

Элли качает головой и думает, кому они поручат допросить Тома. Это должен быть кто-то, кого он еще не знает, но он ведь постоянно приходит к ним в полицейский участок с тех пор, как научился ходить. Сердце у нее обрывается, когда она понимает, что в Бродчёрче есть только один офицер, подходящий по этому критерию.

Радость Карен Уайт от сознания того, что она живет в одной гостинице с Алеком Харди, лишь незначительно омрачается его отсутствием на завтраке. Она прождала перед полицейским участком до половины восьмого, пожалев, что утром в отеле выпила два кофе. Ей хочется в туалет, но покидать пост рискованно. Это может быть ее единственным шансом за весь день.

Харди появляется в четверть девятого. Его городские туфли перепачканы в грязи и песке, как будто он вернулся с длительной и поспешной прогулки. Карен обращается к нему по званию и имени, но он игнорирует ее, поэтому она берет его за руку. Он отдергивает от нее руку, как от прокаженной.

– Карен Уайт, «Дейли геральд», – на всякий случай представляется она, словно он мог забыть, кто она такая. Вся пресса уже давно разошлась, а она все еще требует ответов. И Карен гордится этим.

Но Харди лишь молча смотрит на нее своими немигающими карими глазами.

– Я подумала, не угостить ли вас чашечкой чая... – Она улыбается даже после того, как он поворачивается к ней спиной: этот фокус помогает ей сохранить дружелюбный тон и тогда, когда внутри все бурлит от злости. – Вы же знаете, что к вам будет повышенное внимание. И вам понадобится кто-то, кто сможет представлять в этом вашу сторону. Не отказывайтесь. Если я вам понадоблюсь, я буду в «Трейдерс». Знаете, вы можете просто постучать...

Харди резко поворачивается к ней.

– Вы просто *удивительная*, – презрительно бросает он и, развернувшись, скрывается за дверью участка. Она захлопывается перед носом Карен.

«А вот это правильно, – думает Карен. – Я действительно удивительная. Но ты еще и наполовину не знаешь насколько».

Всего через несколько минут она стоит перед офисом редакции «Эха». Уже взявшись за ручку двери, она останавливается, заметив фотографию улыбающегося Дэнни Латимера в желтой футболке. Это не официальное школьное фото, которое предоставила полиция. Здесь он похож на мальчишку, какие ей нравятся. Нахальный. Забавный. Впервые до Карен доходит, буквально осеняет ее, что Бродчёрч – это не какое-то продолжение по мотивам Сэндбрука, а совершенно самостоятельная трагическая история. Она натужно сглатывает подступивший к горлу комок.

Внутри редакции выстроилась очередь из желающих написать что-то в книгу соболезнований, организованную Мэгги Радклифф.

Карен уже вспомнила, с небольшой помощью Гугла, откуда она знает эту Мэгги. На факультете журналистики они изучали ее работу про Йоркширского Потрошителя. Она была одной из первых, кто тогда начал задавать вопросы по работе полиции. Она также была и в Гринэм-коммон⁸ в лагере движения «Женщины за мир», а еще освещала те события для таблоидов. Это представительница старой школы, из поколения Лена Данверса. Карен испытывает к ней большое уважение и понимает, что манипулировать ею будет не так просто, как Олли Стивенсом.

К счастью, Мэгги увлечена разговором с парнем, который кажется слишком молодым для пасторского воротничка. Карен еще никогда не видела такого юного священника. Она оглядывает его с ног до головы: одежда на нем новая, модная, купленная далеко не здесь, а его белокурые волосы очень аккуратно зачесаны на боковой пробор, который кажется таким старомодным, что это выглядит очень круто.

– Это должна была сделать церковь, – говорит он, и его ручка зависает над книгой.

– Тут не может быть соревнования, – холодно возражает Мэгги. – Такие вещи в новинку для всех нас.

– Я бы хотел вести колонку, – предлагает викарий. – Что-то вроде «Мысли дня» на «Радио-4». Чтобы напоминать людям, почему церковь так важна в наше время и что она может им предложить.

Мэгги фыркает.

– Наши дорожки с вашим боссом разошлись задолго до того, как вы здесь появились. После чего я вынуждена чувствовать себя весьма нежеланным гостем в вашей церкви.

– Но только не для меня, – убедительно говорит викарий. – В моей церкви вам и Лил всегда будут рады.

– Будем надеяться, – говорит Мэгги, лишь незначительно смягчаясь. – Послушайте, спасибо за предложение, но передовица мне не нужна. Что мне действительно необходимо в данный момент, так это рекламодатели. А это не вы.

Викарий барабанит кончиками опрятных пальцев по столу.

– Ладно. Тогда я куплю у вас печатную площадь. За свои личные деньги. Я напишу статью и заплачу по вашим тарифам. Если нужно будет заплатить за то, чтобы поместить в вашей газете слова утешения, я это сделаю.

– Я сделаю вам десятипроцентную скидку, – мгновенно реагирует Мэгги.

Карен ухмыляется. Она не пробыла здесь и двух минут, а уже стала свидетельницей сцены морального разложения. Это к вопросу о том, что местные издания являются бастиваном старой и доброй репортерской школы.

Следующей стоит Бекка из гостиницы в платье, подчеркивающим все достоинства ее безупречной фигуры. «Никогда бы не сказала, что она целыми днями просиживает задницу перед монитором компьютера», – думает Карен. Бекка игриво покачивает волосами сначала в сторону викария, потом в сторону Мэгги – как будто по привычке. Некоторые женщины сами не осознают, что они делают, и всегда это как раз те, кому особо не нужно для этого напрягаться.

– Что бы такого написать, чтобы это не звучало легкомысленно? – спрашивает Бекка.

Теперь Мэгги улыбается во весь рот, и Карен не составляет труда незаметно проскользнуть в офис.

⁸ Гринэм-коммон – военно-воздушная база близ Ньюбери, графство Беркшир, где до 1989 г. размещались американские крылатые ракеты. У базы постоянно дежурили женщины-демонстранты из организации «Женщины за мир» в знак протеста против присутствия ракет на территории Англии.

Несколько секунд ее глаза настраиваются на стоящий здесь полумрак. Как они тут работают? Она привыкла к бледно-серой эргономической мебели, окнам с зеркальным покрытием и освещению лампами дневного света. А здесь... Тут больше дерева, чем в любой сауне. Форточка в крошечном окне держится на липкой ленте, на подоконнике засохшие цветы в шаткой глиняной вазе и деревянная кошка. На стене изо всех сил пытаются удержаться висящие на честном слове правила по технике безопасности.

Олли Стивенс согнулся перед монитором своего компьютера. Когда он поднимает глаза, в них проскакивает искра узнавания, и Карен понимает, что не одна она умеет пользоваться Гуглом. Она присаживается на край письменного стола. А он сообразительный, этот начинающий репортер, несмотря на то что оказывается на пару лет моложе, чем она думала вначале. Умаслить его будет нетрудно.

– Как думаете, найдется в этом офисе свободный стол или какой-нибудь уголок, где я могла бы временно примоститься? В конце концов, наши издания относятся к одной медиа-группе.

Олли уже фактически оборудовал для Карен рабочее место, прежде чем Мэгги успевает его остановить.

– Карен Уайт, «Дейли геральд», – представляется Карен.

Мэгги пожимает протянутую руку, и обе женщины оценивающе оглядывают друг друга.

– Нет, – отвечает Мэгги на предыдущий вопрос. – У нас тут все занято.

Карен оглядывает пустой офис и прикусывает губу, чтобы сдержать ухмылку.

– Вдруг я выделю вам стол, а тут явятся все остальные сотрудники?

Карен хочется поспорить с ней, но она передумывает. Все хорошо в меру. Это и отличает ее от других – способность отстраниться от темы и дать возможность читателю самому подумать. Журналистика похожа на шоу-бизнес: нужно всегда оставлять зрителя немного голодным, чтобы ему хотелось еще. Такой подход позволил ей втереться в круг семей жертв Сэндбрука. Однажды это может сработать даже с Харди.

Вновь оказавшись на Хай-стрит, Карен взвешивает имеющиеся варианты и напоминает себе, что она пока что единственная журналистка из всех национальных изданий, которая отслеживает этот сюжет. При выходе на улицу она оглядывается на окна офиса «Эха Бродчёрча». Эти люди ей не конкуренты. Если она правильно их расставит, они в конце концов смогут работать на нее. Она напряженно думает, как привлечь на свою сторону Олли Стивенса, чтобы при этом не сжечь все мосты с Мэгги. А пока посылает ему сообщение с просьбой показать местные достопримечательности.

В телефоне она заходит на сайт «Эха Бродчёрча» и вбивает в местную систему поиска слово «Сэндбрук». Не похоже, чтобы они проследили какие-то параллели между этими случаями. Мэгги Радклифф славилась своим энциклопедическим умом, но кто сейчас пользуется энциклопедиями? Также не похоже, чтобы кто-то из работников газеты удосужился поинтересоваться прошлым главного следователя по этому делу. Так что у нее есть преимущество, и Карен это нравится.

12

От спиртового запаха маркера у Харди всегда кружится голова, но он старается сконцентрироваться, чтобы писать на белой лекционной доске твердой рукой.

ОПЕРАЦИЯ «КОГДЕН»

Старший следователь: ДИ Алек Харди

Жертва: Дэнни Латимер

Возраст: 11 лет

Рост: 4 фута 8 дюймов

Место смерти: пляж Харбор-Клифф, Бродчёрч

Время смерти: 22:00 четверга, 18 июля – 4:00 утра (приблизительно)

В отделе уголовных расследований путаница и неразбериха. На работу вызвали всех сразу, хотя и понимали, что полицейских у них больше, чем письменных столов. В комнате подняты нижние панели, чтобы получить доступ к находящимся там розеткам, проведены новые телефонные линии. По всему офису тянутся какие-то провода.

Инженер связи, плотный парень в очках с золотистой оправой, постоянно бросает на Харди нервные взгляды. Харди косится на его бейдж – парня зовут Стив Конноли – и смотрит ему в глаза со всей враждебностью, на какую только способен. Чем более неудобно он заставит этого Стива Конноли чувствовать себя здесь, тем скорее будет закончена работа и он наконец уберется из отдела. Харди совершенно не в восторге от того, что гражданские бродят здесь и двигают письменные столы, опрокидывая стопки папок, которые, по идее, должны находиться под замком. Неужели эти люди думают, что он ведет политику «чистых столов» для развлечения?

Миллер принесла ему кофе латте. У Харди слюнки текут от запаха сливок и ореха, но даже чашка растворимого была бы для него уже чересчур, а эти кофейные смеси – вообще как ракетное топливо. Она же, разумеется, принимает его отказ на свой счет.

– На Брайар-Клифф есть один домик... – говорит он, игнорируя выражение уязвленного самолюбия на ее лице. – В полутора милях вдоль берега от того места, где было обнаружено тело Дэнни. Выясните, кому он принадлежит. И стоянка для машин внизу. Возьмите записи с установленной там камеры видеонаблюдения. Как идет поквартирный обход?

– Для этого назначены пятеро полицейских и два стажера, один из которых не умеет водить автомобиль, а второй до вчерашнего вечера не производил ни одного допроса. – Она улыбается с извиняющимся видом. – Лето и выходные. В радиусе ста миль проходят три фестиваля и два спортивных мероприятия, так что все остальные будут до понедельника задействованы там.

Харди ненавидит это место. Ненавидит этих тупых людей, ненавидит то, как они работают, ненавидит эти чертовы улыбочивые лица. Он вновь переключает свое внимание на то, что пишет на доске.

– Скейтборд Дэнни, мобильный Дэнни. Приоритеты. А также главные подозреваемые. Вы ведь знаете этот город. Кто, скорее всего, мог совершить такое? – Миллер, не поняв, что он еще не закончил, пытается что-то сказать, но Харди уже двигается дальше. – Если мальчик был убит до того, как попал на берег, где тогда место убийства? Что вы делаете сегодня?

– Нам удалось заполучить офицера по связям с родственниками пострадавших, и я везу его к Латимерам. Еще позвонил Джек Маршалл, который держит газетный магазинчик. Он сказал, что кое-что вспомнил.

Ни с того ни с сего Харди чувствует покалывание в кончиках пальцев – верный признак приближающегося приступа. Голос Миллер начинает звучать как будто издалека. Легкие сдавливают, и неожиданно перед ним, то расплываясь, то становясь более четкими, стоят уже две Миллер.

– Минутку, – говорит Харди.

До туалета он добирается благополучно. К счастью, там никого нет. Он достает две громадные таблетки из блистерной упаковки и запивает их водой из-под крана. После изучает в зеркале свое бледное, вспотевшее лицо и ждет, когда оно снова станет выглядеть нормально.

По дороге обратно он едва не наталкивается на Стива Конноли, который раскручивает с катушки длинный белый кабель. Лицо у него мертвенно-бледное, и Харди хватается лишь быстрого взгляда на офис, чтобы понять причину этого. На столе у ДК Фрэнка Вильямса беспорядок. К перегородке какого-то черта прикиплен список вопросов, нуждающихся в ответах. Поперек клавиатуры лежит фото скейтборда Дэнни, желтого, ламинированного, с неровными темно-синими буквами, а под ней из файла высовываются фотографии с аутопсии. Какого хрена! Там увеличенный снимок шеи Дэнни – громадные красные отпечатки пальцев на белой коже. Харди прогоняет Конноли и дает Вильямсу нагоняй, от которого в комнате повисает тишина. Разговоры возобновляются только тогда, когда он оказывается уже на середине коридора.

В газетном магазинчике все как обычно, все идет своим чередом. Джек Маршалл поднимает на прилавок толстую пачку газет. От такого усилия у него слегка сбивается дыхание.

– Я вчера всю ночь думал о нем, – говорит он. – Я веду тут Морскую бригаду. Дэнни ходил к нам примерно восемнадцать месяцев, время от времени. Нахальный парнишка, но доброе сердце. Это очень важно – доброе сердце.

«Это мне рассказывать необязательно», – думает Харди.

– Вы сказали, что вспомнили что-то насчет того, как видели его.

Джек кивает. Такое впечатление, что говорить ему трудно.

– Было это, должно быть, в конце прошлого месяца. Примерно без четверти восемь, в среду утром. По дороге, ведущей к Линтон-Хилл по верху обрыва. Я видел его там.

– Что он делал?

– Разговаривал с почтальоном. – Джек перерезает шпагат, стягивающий пачку газет, острым и блестящим строительным ножом. – Ну, даже не разговаривал. Скорее, они ссорились. Я стоял довольно далеко, но язык жестов был совершенно понятен. Потом Дэнни вскочил на велосипед и быстро уехал. А почтальон еще что-то кричал ему вслед.

– Вы уверены, что это действительно был почтальон? – спрашивает Харди. Очков у Джека нет, и не похоже, чтобы он носил контактные линзы.

– А кто это еще мог быть там ранним утром? Во всяком случае, у него была сумка через плечо. И такая куртка светящаяся, чтобы лучше было видно.

– Опишите его мне.

– Он был далеко. Среднего роста, короткие темные волосы, я думаю. Я вспомнил об этом, только когда вы вчера пришли сюда. Мне нужно было вам сказать...

«Да, – думает Харди. – Нужно было. Так почему же ты не сказал?»

В доме Латимеров стоит затхлый запах, как в спальне, которую давно не проветривали. Сейчас не то время года, чтобы закупориваться в доме, но вокруг начала собираться пишущая братия, так что открыть окна не получается: если в них не суют объектив камеры, то просто звонят рядом по телефону или громко подначивают друг друга.

– Это детектив-констебль Пит Лоусон, – представляет Элли стоящего рядом с ней долгового молодого человека. – Он станет вашим контактным лицом по связям с полицией, будет держать вас в курсе относительно хода расследования, отвечать на ваши вопросы, а также обсуждать с вами любые вопросы, которые могут возникнуть. В полиции это отдельная должность. Пит только что прошел специальную подготовку.

– Вы у меня первые! – радостно говорит Пит, но улыбка его быстро блекнет, когда он видит злой взгляд Элли. Это самое неуместное, что он мог сказать в данной ситуации...

– Но ведь *ты* знаешь нас лучше, – говорит Бэт, словно читая мысли Элли.

– Самое лучшее, что я могу сделать для вас, – это найти того, кто убил Дэнни. И я это сделаю.

Элли поручает Питу взять у них отпечатки пальцев, молясь в душе, чтобы он ничего не испортил.

Возмущаться начал только Марк.

– А без этого никак нельзя обойтись? – говорит он, пока Лиз катает испачканный чернилами большой палец по листу бумаги.

Он оскорблен, Элли видит это и может его понять. Даже пострадавшие от кражи со взломом дают свои отпечатки пальцев с негодованием. Такова уж природа человека: умом люди понимают, что так вносят свой вклад в расследование, но некоторые при этом чувствуют себя так, будто их считают подозреваемыми. Элли не может позволить себе размышлять о том, насколько хуже это воспринимается после того, как человек потерял ребенка.

Марк все-таки дает свои отпечатки, но очень неохотно, постоянно качая головой. Когда вся семья справилась с этим, он говорит:

– Когда мы можем начать заниматься организацией похорон?

Голос его на последнем слове срывается.

Понимание того, что вопрос этот неминуемо возникнет, не делает ответ на него более легким.

– С этим придется подождать, – говорит Элли. – Пока мы не посадим в тюрьму того, кто это сделал, Дэнни – его тело – является... Послушайте, простите меня, но я должна говорить об этом таким образом... Он является самой важной уликой, которая у нас есть. Мы не можем позволить похоронить его, пока не будем уверены, что задержали именно того, кого нужно, и у нас есть достаточно доказательств, чтобы признать его виновным.

– Так мы не можем забрать его? – в ужасе спрашивает Бэт.

– Пока что нет. Мне очень жаль.

– Он – не просто улика, – говорит Хлоя. – Он – мой *брат*.

– Я знаю. Поверь, я знаю это, – говорит Элли, хотя понимает, что это совсем не так.

Бэт, приподняв брови, вопросительно смотрит на Марка. Тот кивает и, принеся из другой комнаты сложенный лист бумаги, вручает его Элли.

– Мы составили список, – говорит он. – Список людей, которые могли это сделать.

Элли разворачивает его и в смятении читает. Большинство этих имен ей знакомо. Сюда включены все мужчины, хоть чем-то выделяющиеся в обществе; есть, разумеется, и пересечения со списком подозреваемых, который составлен полицией Уэссекса. Когда был исключен вариант с чужаками, Бэт и Марк стали искать поближе к своему дому.

– Но ведь это все ваши *друзья*.

Они смотрят на нее, как потерявшиеся дети, как юные родители, которыми были когда-то. Элли впервые в этом году вспоминает, что Бэт всего лишь тридцать.

– Мы знаем, – говорят они.

Элли почти благодарна командиру следственной бригады Брайану, когда тот вызывает ее из комнаты. Наверху он вручает ей пакет для улики.

– Пятьсот фунтов наличными. Было приклеено липкой лентой снизу к раме кровати в комнате Дэнни.

13

Карен попросила Олли показать ей город, и он предложил взглянуть на него с высоты птичьего полета. Эта лавочка на вершине обрыва оказалась идеальным местом для того, чтобы она могла сориентироваться. Отсюда хорошо видно, как внизу самобытная, туристическая часть города вокруг гавани переходит в нагромождение уродливых муниципальных зданий, которые, в свою очередь, сменяются беспорядочной застройкой частных владений. Перед ними раскинулось море. А еще тут, конечно, есть скалы – обрывистые молчаливые свидетели убийства Дэнни Латимера. Они завораживают своей неземной золотистой окраской. Карен с трудом отрывает от них взгляд и смотрит на Олли.

– Расскажите мне о Бродчёрче, – просит она. – Кто здесь живет?

Он задумывается.

– Многие прожили здесь всю жизнь, из поколения в поколение, некоторые никогда не отъезжали больше чем на пятьдесят миль от города. Еще есть приезжие. Молодые семьи после появления ребенка покидают большие города и отправляются сюда, потому что им нравятся сельские школы и море. На шесть недель летом у нас устанавливается туристический сезон, но в основном мы все-таки город-труженик.

– А преступность?

– Главным образом, это кражи из домов, иногда потребление наркотиков, пьянство за рулем. – Карен не успевает спрятать появившуюся на лице ухмылку. – Нет, правда. Каждую неделю я готовлю вместе с одним из полицейских отчет по преступности в городе. Примерно тридцать правонарушений в неделю, по большей части – мелких. Убийств у нас никогда не было. – Лицо его становится серьезным.

– А какими сюжетами вы занимаетесь в «Эхе»?

Он пожимает плечами.

– Клубы, школы, заседания муниципалитета. Мэгги говорит, что мы празднуем каждый следующий день.

Карен внутренне содрогается. Она не стала бы работать в региональной газете даже за сто тысяч в год. Притом что если Олли зарабатывает десятую часть этого, то уже очень хорошо. Она догадывается, что он, наверное, до сих пор живет с матерью. А потом ловит себя на том, что задумывается, как выглядит его спальня.

– А как насчет вас? – спрашивает она. – Чего хотите конкретно *вы*?

Олли на мгновение смущается.

– Хочу работать в национальном издании. В общем, я хочу быть как вы.

– Осторожно со своими желаниями, – улыбается она.

– Как получилось, что вы приехали сюда так быстро?

Еще не настало время посвящать его в нюансы ее миссии, направленной на выяснение того, где Алек Харди был все это время и каким образом оказался здесь. Поэтому Карен проводит отвлекающий маневр.

– Если я буду писать репортаж, мне необходимо понять этот город, понять людей. Вы помогаете мне в этом, и тогда я, возможно, смогу помочь вам. Что скажете?

Олли сияет.

– Скажу, что хорошо.

Карен отмечает про себя, что зубы у него белые и ровные. Проводить время с ним будет приятно.

Элли Миллер прогуливается по набережной. День стоит чудесный, но народу здесь совсем немного. Набережная выглядит пустынной без обычной толпы детей, а без фона

из человеческого гомона крики чаек и гул волн кажутся преувеличенно громкими, как будто кто-то прикрутил звук саундтрека с шумом морского курорта. Всех немногочисленных детей родители держат за руку, причем даже тех, которые постарше. Она замечает, что никто из местных не отпускает детей надолго одних. Свободная жизнь Тома, когда он приходит и уходит, когда ему вздумается, откладывается, пока дело не будет раскрыто.

Краем глаза Элли замечает какое-то движение и поднимает глаза на лавочку на вершине холма. Оттуда по песчаной тропинке спускается молодая женщина в дорогой одежде и совершенно неприспособленных для такой ходьбы туфлях. Элли не сразу обращает внимание на продолжающего сидеть на лавочке Олли, который провожает эту женщину мечтательным взглядом. Она взбирается к нему на холм.

– Кто эта твоя новая приятельница? – спрашивает Элли, тяжело опускаясь на скамейку рядом с ним. Волосы ее влажные от пота.

– Коллега, – небрежно бросает Олли. – Журналистка из «Геральд». Я помогаю ей обрести ощущение города, знакомлю с местным колоритом. Она считает, что при такой ситуации, как сейчас, национальные издания не подхватят эту историю.

Элли воспринимает это как пренебрежение, даже несмотря на то, что не имеет к прессе никакого отношения. Возможно, это просто паранойя.

Олли неловко ерзает на месте.

– А мама говорила с вами перед тем, как ушла?

– Куда ушла? – спрашивает она, чувствуя недоброе.

– В Борнмут.

Борнмут, где большие казино побережья с распростертыми объятиями ожидают таких людей, как Люси, и где на зеленом сукне лежат горы игральные фишек. Элли чувствует поднимающуюся откуда-то изнутри волну досады, хотя уже давно должна была бы быть готова ко всему. Ей действительно необходимо понизить уровень того, чего она может ожидать от Люси, но она, похоже, не в состоянии перепрограммировать их отношения. Какая-то ее часть по-прежнему остается маленькой девочкой под влиянием своей гламурной старшей сестры.

– Она сказала мне, что у нее нет денег, – с несчастным видом говорит Олли.

Они оба понимают, каким образом в этом случае Люси может добраться до большого города. Ее сестра живет от выигрыша до выигрыша, в полной зависимости от капризной удачи, которая определяет ее поведение на остальные триста шестьдесят четыре дня в году. Элли задумывается, сколько же тысяч фунтов чужих денег проматывает Люси, прежде чем удача улыбается ей. Миллерам на сегодняшний день она должна больше пяти тысяч, и это только та часть долга, которую она признает. Последний раз Люси приходила за большой суммой, умоляя Элли заплатить за ее лечение. Из-за облегчения, что Люси наконец-то обратила внимание на свое здоровье, Элли подписала чек, даже не посоветовавшись с Джо. Она готова была заплатить вдвойне, лишь бы только Люси получила профессиональную помощь хороших специалистов. Все деньги были спущены за три дня на сайтах для игры в покер онлайн.

– Когда она уже чему-то научится? – спрашивает Элли, но вопрос этот чисто риторический.

– Я думал, вы с ней договорились насчет лечения, – говорит Олли.

Элли только качает головой. У нее не хватает духу рассказать ему про последний обман, пока что самый худший из всех.

– Я лучше пойду, – говорит Олли. – Посмотрю, нет ли чего-нибудь свеженького в отделе новостей.

Она смотрит, как он уходит, подволакивая ноги и поднимая за собой облачка песка. В одной туфле у него дырка, и это обстоятельство вызывает у Элли приступ глубокой нежности. Это даже хорошо, что он так мало зарабатывает: Люси просто нечего забрать у него.

Внутри у Элли закипает злость. Она не должна сейчас ставить на первый план проблемы сестры. Смерть Дэнни Латимера резко поменяла все взгляды на будущее. Она порыvistо набирает на телефоне саркастический текст.

Желаю отлично провести время в Борнмуте! Я и не знала, что парикмахерам так хорошо платят. Жду не дождусь, когда ты после возвращения вернешь деньги моих детей.

Ответа не последовало, но это и неудивительно, когда Люси ушла в загул. Теперь Элли не услышит о ней, пока у той не закончатся деньги и она не приползет обратно в Бродчёрч побираться.

Репортеры окружили дом Бэт снаружи, полиция находится внутри. Она не может скрыться от всех этих людей, и при этом с ней нет единственного человека, с которым она хочет сейчас быть. Ей невыносимо хочется побыть одной в комнате Дэнни, свернуться калачиком на его кровати, зарывшись лицом в его подушку и вдыхая его запах, но натянутая крест-накрест полицейская лента на его двери делает Бэт чужой в собственном доме и даже превращает его в тюрьму для нее. Самое близкое к ее желаниям занятие – это перебирать выстиранные вещи, которые горой лежат в ее спальне, где она отдается во власть бессмысленных автоматических движений, расправляя воротнички на его рубашках, разбирая по парам его носки, складывая его футболки. Эта пустая одежда словно насмехается над ней.

В голове крутятся мысли о том, что она виновата: виновата, что не защитила его, что воспринимала его как должное, потому что думала, что он дан ей навсегда.

Теперь она плачет все время. Под глазами постоянно красные круги, где кожа разъедена солью слез. Она входит в это состояние и выходит из него незаметно, понимая, что слезы текут, только тогда, когда возобновляется жжение на щеках.

Во рту чувствуется металлический вкус, и она не может объяснить слезами этот то возникающий, то исчезающий привкус медной монеты. Каждый раз, когда это случается, ей очень хочется чипсов с сыром и луком – непонятно, это гормоны срабатывают или условный рефлекс по Павлову? На самом деле это единственная еда, которую, как ей кажется, она сейчас могла бы съесть. Это первое чувство необходимости, возникшее после случившегося. Она плетется вниз и начинает открывать все буфеты.

– А где чипсы? – спрашивает она у Лиз, которая наглаживает складки на джинсах Марка.

– Тебе не нужны никакие чипсы, – говорит Лиз.

Но для Бэт эти самые чипсы с сыром и луком уже неразрывно связаны с жаждой свободы. Лиз снова смотрит на дочь и видит ее решимость.

– О'кей, – говорит она, ставя утюг. – Я сейчас схожу за ними.

– Мама, когда ты уже *перестанешь* меня *опекать*?

– Прости, – говорит Лиз сквозь клубы пара от утюга. – Просто я хочу помочь тебе.

– Ты не можешь этого сделать, – говорит Бэт, суя в карман ключи от машины. Она не оглядывается.

Приятно снова оказаться за рулем, но проблема с ездой на автомобиле заключается в том, что рано или поздно ты должен куда-то приехать.

На парковке в супермаркете Бэт сталкивается с неприятным явлением: люди пялятся на нее, отводя глаза только тогда, когда она это замечает. Их взгляды на долю секунды сталкиваются и тут же отскакивают друг от друга, как стеклянные шарики в детской игре. Когда

Бэт уже кажется, что если это случится еще хоть раз, то она не выдержит, какая-то женщина, тарасившаяся на нее под защитой ветрового стекла своей машины, забывает отвести глаза, и от этого становится еще хуже. Намного хуже.

Она старается вести себя нормально. Она ходит в этот универсам с тех пор, когда ей было столько же, сколько Дэнни. Что может быть более нормальным, более повседневным, чем делать здесь покупки? Она загружает свою тележку и выезжает в одном футе перед другими покупателями. Молодая пара продельывает со своей тележкой эквивалент крутого полицейского разворота на месте и резко сворачивает в другой проход между стеллажами. Посетители магазина при виде ее либо опускают глаза в пол, либо начинают внимательнейшим образом изучать ценники на полках. Но больше всего оказывается другое: какая-то мамаша за руку выдергивает своего ребенка с ее дороги, как будто ее потеря может быть заразной. Бэт словно радиоактивная.

В конце концов она таки находит чипсы и расплачивается на кассе. Когда она уже загружает покупки в багажник, к ней подходит старик и берет ее за руку.

– Нам всем очень и очень жаль, – говорит он.

Бэт понимает, что должна поблагодарить его, но теперь уже *он* кажется ей радиоактивным: жалость – это отравка. Она отдергивает руку и запирается в машине. Слепленная слезами, она слишком сильно нажимает на газ, собираясь сдавать задним ходом.

Ба-бах... Она с силой въезжает в бетонный столб, и ремень безопасности больно впивается в живот. Багажник распаивается. Бэт выбирается из машины и с размаху пинает покоренный металл, не заботясь о том, что может поломать ногу. Крича и ругаясь, она ловит на себе пристальные взгляды людей. Ну давайте, возьмите меня за руку, расскажите мне, как вам жаль, продолжайте пудрить мне мозги! Но надолго ее сил не хватает. Тяжело дыша, она прислоняется к автомобилю, не зная, что делать.

Кто-то окликает ее по имени:

– Бэт!

Это Пол Коутс, викарий из церкви ее матери. Сама Бэт в Бога не верит и знает Пола в большей степени потому, что он играет с ее Марком в мини-футбол. Если сейчас он скажет, что Господь в первую очередь забирает к себе тех, кого любит больше всего, она ему врежет.

– С вами все в порядке?

Она не собиралась ему ничего говорить – это вырывается как-то само собой.

– Я беременна, – говорит она.

Пол помогает ей встать на ноги, как будто ждет, что из-за этого она может упасть, хотя срока у этой беременности всего несколько недель. Они садятся на бортик открытого багажника, крышка которого обеспечивает им тень. Все это создает какую-то странную, почти интимную обстановку.

– Я сама узнала всего две недели назад, – говорит она. – Даже Марку пока ничего не сказала.

– У вас есть кто-то, с кем вы могли бы поговорить? – Есть что-то умелое и профессиональное в понимающем выражении лица Пола, но спокойнее ей от этого не становится. – Может быть, ваша мама?

– Не теперь. И вы ей тоже ничего не говорите.

Он ведь обязан хранить чужие секреты, не так ли? Или это только у католиков? Бэт немного подзабыла все эти дела насчет религии и понимает, что нужно бы возобновить знакомство с ней. Перед глазами, прежде чем она успевает прогнать видение, возникает картина маленького детского гроба и горящих вокруг него свечей.

– И что вы собираетесь делать? – спрашивает Пол.

– Не могли бы вы оставить эти дурацкие вопросы при себе?

– Простите. Я так и сделаю. Безусловно.

Бэт бросает удивленный взгляд на этого человека с пасторским воротничком. Впервые за несколько дней она искренне улыбается, и он отвечает ей улыбкой.

– Я оставлю вас в покое, – говорит он. – Вы всегда можете найти меня. Если вам понадобится поговорить.

– Я не знаю, верю ли я Богу. – Ей необходимо сразу сказать об этом.

– А это и необязательно, – отвечает он, как будто ждал от нее такого. – Я молился за вас. Как только узнал. И за Дэнни тоже.

Бэт ведет свою разбитую машину домой. Глаза у нее сухие. Оказавшись в Спринг-Клоуз, она ждет появления во рту знакомого металлического привкуса, но он не возникает, и она чувствует себя глупо. Без всякой причины она накупила полный буфет чипсов с сыром и луком. Единственным человеком, который любил их, был Дэнни. Теперь, когда ее страстное желание наконец удовлетворено, от вида всех этих пачек ее тошнит.

Никто в доме никакой связи со случившимся не уловил.

14

Они нашли почтальона, который был на смене в тот день, когда, по словам Джека Маршалла, он видел его с Дэнни. Элли и Харди поймали Кевина Грина во время обхода, в дальнем конце города, где вновь построенные дома резко заканчиваются и дальше уже начинается сельская местность. На фоне приглушенной зелени природы его трудно не заметить: на нем флуоресцирующая желтая куртка, а через плечо перекинута ярко-красная сумка.

– Вы когда-нибудь видели Дэнни Латимера? – спрашивает Элли.

Кевин, казалось, нисколько не удивлен этим вопросом. А о чем еще его могут спрашивать?

– Да, много раз. Он доставляет газеты в несколько домов здесь, включая и хижину на скале. Когда я услышал об этом, то сразу подумал: я ведь видел его всего пару дней назад.

Он не первый человек, у которого случившееся вызывает подобную реакцию. Элли уже поняла: у людей вызывает изумление, что кто-то может умереть так скоро после того, как они видели его в последний раз, словно каждая новая встреча с человеком дарует ему своего рода бессмертие.

– Вы когда-нибудь разговаривали с ним? Я имею в виду последнюю неделю июня.

Кевин задумывается.

– Я мог помахать ему рукой и поздороваться. Мы с ним недостаточно хорошо знакомы, чтобы разговаривать.

– А вы с ним никогда не спорили? – вмешивается в разговор Харди.

– Да о чем я могу спорить с парнишкой, который разносит газеты?

Элли задействует свою новую дежурную фразу:

– Где вы были в четверг вечером?

– В четверг я был с друзьями. У нас был чемпионат по гольфу на игровых приставках, и мы поднабрались. Нас было шестеро. Закончили только в четыре. А уже в семь моей хозяйке пришлось меня будить – я был никакой.

– Нам понадобятся имена людей, которые были там вместе с вами, – говорит Харди.

Наконец-то Кевин выглядит напуганным.

– Неужто вы думаете, что я имею к этому какое-то отношение?

– Нам просто нужно исключить все возможные варианты, – успокаивает его Элли. – Вам не о чем беспокоиться.

Они отправляются обратно в участок. Идти им недалеко.

– Не говорите: «Вам не о чем беспокоиться», – говорит Харди, когда Кевин уже не может их слышать. – Не нужно успокаивать людей. Позвольте им говорить.

Все, с нее достаточно!

– Тогда я скажу вам другое: сколько можно выводить меня из себя, пытаться трамбовать и переделывать? Я знаю, как обращаться с людьми. И держите все эти ваши глубокомысленные штучки при себе. – Она помнит, с кем разговаривает, поэтому в конце демонстративно добавляет: – Сэр.

Элли недостаточно хорошо его знает, чтобы понять, означает ли его молчание обиду или полное безразличие, но ее всю трясет. Она никогда раньше не выходила так из себя с коллегами, не говоря уже о начальстве. Вернувшись в участок, она работает на телефонах с двойным усердием. Четверо друзей Кевина подтверждают его алиби: он был с ними всю ночь. Она докладывает о полученных результатах Харди.

– Выходит, Джек Маршалл ошибся? – спрашивает она.

Харди поднимает свои залапанные очки повыше, на вспотевшую переносицу.

– Есть у нас какие-то основания не доверять этому почтальону? – спрашивает он. – Как у Маршалла со зрением? Есть ли у него какая-то причина врать нам? И считаем ли мы, что деньги, найденные в доме, каким-то образом причастны ко всему этому?

– Вы замечаете, что сыпете вопросы непрерывным потоком? Получается бам-бам-бам! – Она рубит воздух рукой. – Вы не даете возможности ответить. И похоже, что вам это действительно нравится.

– Правда? – Харди умолкает секунд на пять, как будто перестраиваясь. – Первое убийство... – говорит он, производя на этот раз убедительное впечатление нормального человека. – Каким вы его находите?

– Зловещим.

– Как вы поступили со списком Марка и Бэт?

– Когда я его читала, мне хотелось расплакаться, – признается она. – Там некоторые из их лучших друзей, учителя Дэнни, соседи, приходящие няни, которые сидели с их детьми. Они перенесли психологическую травму и не могут думать упорядоченно.

– Или же они очень умные. Мы ведь не просили у них этот список. Возможно, этим они пытаются направить наши поиски. И отвести внимание от их собственного дома.

Элли ошарашена.

– Но они не убивали Дэнни!

– Вы должны научиться никому не доверять.

– Я должна – *что?* – Выплеснувшаяся у нее изнутри злость почему-то переходит в конечности, отчего руки начинают дергаться. На ее столе большой дырокол, и она ловит себя на мысли, что из него получится хорошее оружие. – Так вас послали сюда, чтобы вы меня этому научили? Вот в чем преимущество вашего опыта! Фантастика!

Складывается впечатление, что с чем бóльшим количеством эмоции сталкивается Харди, тем меньше он раскрывает себя.

– Сейчас вы должны взглянуть на вашу общину как бы снаружи, со стороны, – говорит он.

– Не могу я быть снаружи! И не хочу быть!

Он промахнулся с ней, промахнулся на много миль. Почему он не может признать, что сочувствие может быть достоинством? Видит Бог, сейчас, когда здесь Харди, сочувствие это нужно им еще больше. Пригладить перья, которые он умудрился в столь короткие сроки взъерошить, – это уже сама по себе отдельная большая работа.

– Если вы не можете быть объективной, вы не подходите для этого, – говорит Харди.

Элли фыркает. Это просто смешно. Как она может не подходить для этого? Это ее территория! Это он для этого не подходит, приперся сюда, занял место, предназначенное для другого человека, и даже чашку кофе не может принять, чтобы при этом тяжело не вздохнуть.

Он смотрит ей прямо в глаза.

– Вам необходимо понять, Миллер. На такое убийство способен кто угодно. При определенных обстоятельствах.

– Нет, – твердо говорит она. – У людей, у большинства из них, есть свой моральный компас.

– Компасы ломаются, – говорит он, глядя на нее поверх своих очков. Теперь он переходит на снисходительный тон. – А убийство терзает душу. Кто бы это ни сделал, рано или поздно он себя проявит. Каждый убийца рано или поздно проговаривается. Вы знаете, какие эти люди обычно. А вы посмотрите на них под необычным углом. И прислушайтесь к своей интуиции.

Она вскакивает.

– Так вот, *моя интуиция* говорит, что Латимеры не убивали своего сына!

Харди медленно поднимает брови – жест, который умудряется одновременно объединить в себе сарказм, высокомерие и пренебрежение. У Элли кипит внутри. Он так уверен в том, что знает все о человеческой природе. Но Элли знает конкретно *этих* людей, *эту* семью. Харди может иметь в своем послужном списке много раскрытых серьезных преступлений, но опыт бывает разный, и Элли считает, что здесь и сейчас ее личный опыт значит больше.

Трейлер номер три знавал и лучшие времена, думает Харди: под облупившейся краской явно проступает ржавчина. В окне одиноко болтается «хранитель снов»⁹ – Харди и не знал бы, как называется эта штука, если бы у Дейзи в спальне, собирая на себе всю пыль, не висела такая же. Это жилище некоей Сьюзен Райт, которая присматривает за домиком на скале.

На его стук внутри лает собака. Харди узнает фигуру этой женщины даже через матовое стекло. Именно ее он видел с собакой прошлым утром. Именно она тогда убежала от него. «Понятно», – думает он, пока она открывает дверь.

В нос ему бьет застоялый запах сигаретного дыма. Он начинает дышать через рот и быстро показывает свой полицейский значок.

– Детектив-инспектор Харди, полиция Уэссекса.

Язык ее тела красноречив, а сама она – отнюдь. Стоит себе, неподвижная и индифферентная, словно манекен.

– Чего вы хотите?

– Владелец шале на Брайар-Клифф рассказал, что вы там прибираете. Он сказал, что позвонит вам заранее, чтобы вы приготовили ключи.

– У меня телефон не работает.

Акцент у нее – гнусавый лондонский говорок, он еще называется «эстуарным английским», на котором, по идее, говорят в устье Темзы. Но сколько бы Харди ни прожил на южной границе, в его понимании это самое *устье* применительно к этому диалекту всегда будет означать Ферт-оф-Форт¹⁰.

– Мне нужны ключи, – говорит он. – Хочу просто заглянуть внутрь.

– Это как-то связано с тем мальчиком? – Это первый повстречавшийся Харди человек, который не высказал ни сочувствия, ни огорчения. – Покажите еще раз ваше удостоверение.

Большинство людей испытывают слепую веру в полицейский значок, но она изучает его очень внимательно, как будто знает, на что обращать внимание. Захлопнувшаяся дверь едва не задевает кончик носа Харди. Некоторое время Сьюзен Райт нет, затем она появляется с ключами и неохотно сует их ему в руку.

– Только распишитесь за них. Не хочу неприятностей, если вы не вернетесь.

Он выписывает расписку. Авторучка его еще висит в воздухе, когда дверь вновь захлопывается. На этот раз он предусмотрительно успевает отодвинуться.

Сьюзен Райт стоит у окна, положив руку на голову Винса. Она следит за тем, как инспектор Харди отходит от ее трейлера, и ждет, пока он сядет в машину. Когда шум мотора его машины затихает вдали, она подходит к буфету у входа и слегка приподнимает дверцу. Внутри по диагонали лежит желтый скейтборд с темно-синей надписью. Она долго смотрит на него, потом отпускает дверцу, и та со стуком падает.

⁹ «Хранитель снов» – талисман у канадских индейцев, сделанный из кусочков меха, бусинок и перьев, который вешают над кроватью. По индейским поверьям, он избавляет от кошмаров и оберегает сон.

¹⁰ Ферт-оф-Форт – залив в Северном море у восточных берегов Шотландии.

15

Это первое воскресенье после того, как было обнаружено тело Дэнни. В церкви Святого Эндрю количество мертвых на погосте превышает количество живых внутри храма в пропорции сто к одному. Сьюзен Райт прищурившись следит за тем, как подруга утешает Лиз Ропер. Джек Маршалл сосредоточенно смотрит на алтарь, где преподобный Пол Коутс тяжело облокотился на кафедру.

– Именно в такие времена мы проверяем свою веру. Почему великодушный Господь позволил этому случиться? Я уверен, что после событий прошлой недели каждый из нас задавал себе этот вопрос.

Рука Лиз тянется к маленькому золотому крестику, висящему на шее. После окончания службы все прихожане уходят, но она остается на скамье – голова опущена, глаза закрыты. Она сидит так довольно долго, а когда открывает глаза, преподобный уже сменил свое облачение священника на простые брюки и кардиган. Он преклоняет колени рядом с ней.

– Как вы справляетесь с этим горем? – спрашивает он.

– О, речь ведь не обо мне, верно? – с принужденным оживлением отвечает она. – Я беспокоюсь за Бэт и Марка.

– Но вы ведь его бабушка. Вы не можете просто отгородиться от этого.

Голос ее падает.

– Я знаю. – Она вздыхает и смотрит на витражи церкви. – Это помогает. Служба была хорошая. Это многое значит для меня – и всех остальных, кто пришел.

Пол закатывает глаза.

– Девятнадцать человек. Из города с населением в пятнадцать тысяч.

– И это за последнюю пару дней. С трудом верится, правда?

– Я клянусь вам, что сделал буквально *все*, – устало говорит он. – Я посетил каждую школу, был в больнице, в доме престарелых, в нашем общественном центре. Я был на каждом празднике, фестивале или шоу. Три года подряд. И даже теперь... ничего.

– Люди никогда не знают, что им нужно, пока им этого не дать, – говорит Лиз, беря его за руку. – Именно это нам нужно от вас. Всем нам. Я уверена, что Господь как раз поэтому прислал вас сюда. Наша беда – это ваша беда, ваш вызов. Помогите нам.

Пол Коутс берет Лиз за обе руки. Они остаются в таком положении, пока она не вынуждена убрать руку, чтобы достать салфетку.

– Я хотела вас кое о чем попросить, – говорит она. – Точнее, показать вам. Это снаружи.

В дальнем конце церковного кладбища, где могилы еще хорошо ухожены, под раскидистым тисом стоит высокое надгробье.

ДЖЕФФРИ РОПЕР

1954–2007

Любимый муж, отец, дедушка

Как рано ты от нас ушел

На нижней части камня оставлено пустое место.

– Когда мы потеряли его, мы оставляли это место для меня, – говорит Лиз. – Здесь все рассчитано на вторую могилку. Я подумала, а не могли бы мы похоронить здесь Дэнни? Они были такие друзья – водой не разольешь. Знаю, это глупо, но мне нравится мысль, что они будут приглядывать друг за другом.

– Это вовсе не глупо, – говорит Пол. – Я считаю, что это замечательно. А с Бэт вы уже говорили об этом? Запрос должен поступить от нее и Марка.

Лиз шумно сморкается и качает головой.

– Я не хотела делать этого до того, как переговорю с вами. Просто подумала, что, может, это как раз то, что я могу для нее сделать, чтобы снять с нее часть груза. Я знаю, что я бабушка Дэнни, но ведь я еще и ее мать. – Она снова начинает плакать. – Но на самом деле никто ей по-настоящему помочь не сможет, правда? Единственное, что ей нужно, – это как раз то, что она уже никогда не сможет получить.

Элли и Харди просматривают в офисе запись камеры видеонаблюдения с парковки на вершине скалы за ту ночь, когда был убит Дэнни. Единственное движение на крупнозернистом экране связано с часами, отсчитывающими секунды в углу кадра. Время течет медленно, и они оба подсакивают, когда в 01:23 ночи на стоянку заезжает автомобиль. Изображение слишком темное и расплывчатое, чтобы можно было различить номер, но фигуру, выбравшуюся из машины, ни с кем не спутаешь. Элли узнает этого человека раньше Харди. Она ведь знакома с ним больше десяти лет.

– Он сказал, что был на работе, – шепчет Элли.

Что это может означать? Либо Бэт знает, что его там не было, и врет, чтобы покрыть Марка. Либо Бэт ничего не знает, и это Марк врет им всем. В крови у Элли бурлит адреналин, принося с собой скорее смятение, чем какую-то ясность.

На экране Марк Латимер, скрестив руки на груди, прислонился к багажнику своей машины.

– Он кого-то ждет, – говорит Харди. – Держу пари.

Он наклоняется ближе к монитору. Марк вздрагивает, как будто услышал чье-то приближение. Харди в нетерпении сжимает руки.

Внезапно экран становится черным.

– Где следующая лента?

Элли проверяет пакет для улики и находит там только записку.

– Очевидно, она у них одна, и они ее все время перезаписывают, чтобы не тратить лишних денег.

– Что за фигня!

Харди с досады бьет кулаком по столу, а Бродчёрч из-за этой провинциальной грошовой экономии падает в его глазах еще ниже. Элли почему-то стыдно за такое упущение, хотя сама она к этому не имеет ни малейшего отношения.

В офис стучат, и в дверях с поясом, обвешанным всевозможными инструментами, возникает Стив Конноли, инженер-связист, который целый день путался у всех под ногами.

– Стив Конноли, – нервно представляется он, как будто его имя должно все изменить. – Вы ведь занимаетесь здесь Дэнни Латимером? Это как-то связано с водой. Мне сказали, что это как-то связано с водой.

Элли находится достаточно близко к Харди, чтобы почувствовать, как у того повышается температура.

– Кто вам это сказал? – спрашивает она.

– Я узнал об этом... Я узнал об этом там, откуда я получаю... получаю послания. Внутренние послания.

– Ох, ради Бога, кто его сюда впустил? – возмущается Харди, вставая из-за стола.

Он примерно вдвое меньше Конноли, но негодование как будто добавляет ему веса. Элли открывает дверь, чтобы выдворить Конноли.

– Нет-нет-нет, там говорилось про воду, это важно. – Он поднимает руки, успокаивая ее. – Я должен это вам сказать, он был в лодке. Его посадили в лодку. Зачем – я не знаю.

Элли пристально смотрит на него. На медиума, в ее представлении, он не похож. Ну, там дурацкая прическа, цветистая одежда, всякие рунические украшения. Он похож

на инженера телефонной компании. Именно это, а еще то, что он сам не понимает, что с ним происходит, и выбивает у нее почву из-под ног.

– Кто это вам такое сказал и откуда вы вообще это взяли? – спрашивает она.

Конноли непонимающе моргает, глядя на них, словно это было совершенно очевидно из первых его слов.

– Дэнни.

Элли уже не скрывает своего раздражения.

– Это не я так хочу, – возражает он. – Это просто само приходит ко мне.

– О, так вы, значит, у нас медиум *вынужденный*, – говорит Харди.

Сказано это самым язвительным и саркастическим тоном – он почти упивается моментом. Конноли обижается.

– Вы не хотите меня слушать, очень хорошо, – раздраженно говорит он.

– Тут ребенок погиб! – орет Харди, и акцент его усиливается пропорционально громкости крика. – А вы, потакавая собственным желанием, являетесь к нам со всей этой *хренью*!

В комнате за дверью их кабинета все умолкают. У входа появляется Фрэнк, готовый ворваться внутрь.

– Уберите его отсюда! – командует Харди, поворачиваясь в кресле к ним спиной.

Фрэнк кладет руку на талию Конноли и выводит его из кабинета.

Конноли не сопротивляется, только качает головой. Уже на пороге он бросает через плечо еще одну загадку.

– Она говорит, что прощает вас, – говорит он Харди. – За тот кулон.

Элли видит, что и без того бледная кожа Харди от злости становится совсем белой, и на мгновение по-настоящему пугается, как бы ее босс не потерял над собой контроль. Он остается неподвижным, словно считает про себя до десяти, хотя после ухода Конноли это затягивается дольше необходимого. Затем он, как ни в чем не бывало, возвращается к работе.

– Ладно, – говорит он. – Вернемся к реальному расследованию. Давайте выясним, почему Марк Латимер солгал нам насчет того, где был той ночью. Что дальше?

В дверях с пачкой бумаг в руках появляется Ниш.

– Это профайлы Дэнни из социальных сетей, – говорит он. – Только что с жесткого диска его компьютера.

– Третье мая: «Хочу поставить замок у себя в комнате. И выбросить все это дерьмо», – читает вслух Элли. – Двенадцатое мая: «Дорогой папа, помнишь меня? Я тот самый, с кем ты когда-то играл». Снова двенадцатое мая: «Я знаю, что он делает».

Элли в растерянности: она никогда не слышала, чтобы Дэнни так говорил. Что он мог иметь в виду?

Она поворачивается к Харди, чтобы посмотреть на его реакцию, но он уже схватил свой плащ и стремительно уходит. Она выходит из дверей вслед за ним, еле волоча ноги. Ей очень не хочется этого делать. Но ее уже гложет сомнение, и унять его она может, только поговорив с Марком.

16

Бэт днем и ночью следит за новостями по телевизору, собираясь с духом к моменту, когда там покажут фотографию Дэнни. Она бы в этом никому никогда не призналась – что о ней могут подумать? – но она почти с нетерпением ждет этого, как раньше ждала сына из школы, когда сердце бьется где-то высоко, в районе горла в предвкушении повседневного праздника возвращения ребенка домой.

– Как жители Бродчёрча относятся ко всем этим событиям? – спрашивает корреспондент новостей.

Марк и Бэт вздрагивают, когда на экране крупным планом появляется лицо преподобного Пола Коутса.

– Первое и самое главное – все наши прихожане душой с семьей Латимеров.

Бэт вспоминает их разговор на автостоянке перед супермаркетом и чувствует уныние от такого предательства. Зачем Пол делает это? Он сначала должен был спросить у нее.

– Понятно, что времена сейчас очень тревожные, но мы верим, что полиция обязательно разберется в том, что произошло. У нас прочная община. Надеюсь, живущие тут люди знают, что святая церковь всегда готова прийти на помощь и оказать любую поддержку в будущем и настоящем, независимо от того, верят они в Бога или нет. Я знаю семью Латимеров достаточно хорошо, и мы сделаем все возможное, чтобы поддержать их в этой ситуации.

– Не нужно говорить от нашего имени! – возмущенно кричит Марк. – Его Бог бросил моего мальчика умирать. – Он с силой бьет кулаком о ладонь. – Я не собираюсь ему этого спускать!

Он так хлопает входной дверью, что она, качнувшись на петлях, вновь распахивается. Церковь находится рядом, через стадион от их дома. Съёмочная группа может все еще быть там. Бэт кричит Питу, чтобы тот бежал следом и удержал его. Сейчас не время показывать всем, на что способен Марк, когда выходит из себя. В памяти возникают неприятные воспоминания о последней такой вспышке: разбитые в кровь костяшки на его кулаках, потом секунды раскаяния, за которыми в их доме надолго повисла напряженная тишина. Они все были напуганы, но больше всех – сам Марк, и с тех пор он вел себя тише воды ниже травы. До самой смерти Дэнни он даже голос ни на кого не повышал.

Бэт вновь переключает внимание на экран, но они уже перешли к следующему сюжету, и она опять упустила шанс увидеть Дэнни.

Карен Уайт украдкой движется по улочке вокруг спортивной площадки. Она пробыла здесь больше часа, но настойчивость ее вознаграждена: она видит Хлою Латимер, которая идет домой, на ходу глубоко затягиваясь сигаретой. «Вы только посмотрите на нее, – думает Карен, – ведь совсем еще ребенок!» А от неумелого обращения с сигаретой выглядит еще более юной.

Свободной рукой Хлоя пролистывает страницы на своем телефоне. Она читает, а не набирает текст. Если Карен повезет, то она как раз просматривает новости в интернете, удивляясь, почему там написано так мало. Если так, это очень упростило бы задачу Карен. Она лезет в свою большую сумку за пачкой «Силк кат», которую всегда носит с собой для таких случаев. Угостить сигареткой, дать прикурить от своей зажигалки – иногда это стоит часов ожидания на ступеньках у порога.

– Можно прикурить? – спрашивает она.

Хлоя оборачивается, и Карен чувствует, что девочка испытывает лестное для себя ощущение, поскольку эта взрослая женщина обращается к ней, как к равной. Она дает ей желтую зажигалку «Бик», и Карен прикуривает.

– Ты Хлоя?

Девочка мгновенно настораживается.

– Мне очень жаль, что так произошло с твоим братом.

Карен достает из сумки второй ударный элемент своего реквизита. Это игрушечный шимпанзе Дэнни, которого она спасла на пляже.

– Думаю, что эта вещь много значила для него, – говорит она.

Хлоя в ярости вырывает у нее игрушку: Карен знала, что так и будет.

– А вы что с этим делаете?

Карен следит за своим голосом и продолжает говорить мягко:

– Нельзя оставлять его там. Его украдут, он попадет к газетчикам, и вы его никогда больше не увидите. Среди них слишком много нечистоплотных стервятников.

Хлоя подозрительно щурится:

– А вам откуда об этом известно?

– Потому что я – одна из них. – Карен усмехается и вознаграждена: девочка улыбается ей в ответ. – Я работаю на «Дейли геральд».

– Мы не разговариваем с газетчиками.

– Я знаю. И правильно делаете.

Все так сначала говорят. Это нормальная, естественная реакция, и Карен достаточно умна, чтобы не воспринимать это на свой счет. Вспомнить хотя бы Сэндбрук: обе семьи поначалу отвергали ее, но по ходу дела родители Шарлотты использовали внимание прессы как способ дать выход своему горю и оказывать давление на Харди, тогда как другие родители просто развели мосты. Если Латимерам нужно именно это, Карен будет уважать их решение, но она должна дать им возможность выбора. Прошло еще слишком мало времени, чтобы понять, к чему склонятся Латимеры. Они этого пока что и сами не знают.

Хлоя внимательно смотрит на нее. Внезапно Карен замечает, что сигарета ее почти догорела, и делает вид, что затягивается.

– Я пришла, только чтобы отдать тебе это, – показывает она на игрушку, – и чтобы его кто-то не стащил. Если бы это был мой брат, я бы не хотела, чтобы эта вещь попала в посторонние руки.

– Спасибо.

Хлоя прижимает обезьянку к груди. От этого жеста она выглядит совсем ребенком.

– Можно на секунду твой телефон?

Девочка колеблется мгновение, потом протягивает его. Карен видит, что она заинтригована.

– Я не буду тебе звонить, – говорит она, вбивая в ее мобильный свой номер. – Не буду ждать под дверью. Не буду останавливать тебя и приставать к тебе по дороге в магазин, как это будут делать другие. Но если тебе или кому-то из вашей семьи нужно будет поговорить или тебе просто понадобится друг, когда станет совсем невмоготу, позвони мне сама. – Она сохраняет свой номер под именем ДРУГ и возвращает телефон. – Спасибо за зажигалку.

На этом Карен уходит. Она хорошо знает, что останавливаться нужно вовремя. За углом она с гримасой отвращения щелчком отбрасывает окурок в сторону.

Наступили сумерки, и в саду у Марка Латимера появились комары. Инспектор Харди, которого подобная мошка пагубно любит, испытывает искушение провести допрос в доме, но там у окна застыла Бэт, а ему необходимо поговорить с Марком наедине. Статистика указывает именно в этом направлении. Большинство убитых людей знают своего убийцу: более двух третьих убитых детей погибли от рук своих родителей, причем отцы убивают чаще, чем матери. А Марк Латимер все время дергается, как человек, у которого есть много чего скрывать.

– В четверг ночью, когда Дэнни ушел из дому, где были вы?

– На вызове. Приехал туда рано вечером, не знаю, где-то в полседьмого может быть, в этом доме вся система вышла из строя.

– Сколько времени это у вас заняло?

– Большую часть вечера. Просто кошмарный бойлер. Я задержался там допоздна.

Глаза Марка скользят на блокнот Харди, куда тот записывает каждое его слово.

Харди оценивающе рассматривает Марка: высокий, с хорошо развитыми мускулами человек, который целыми днями наклоняется, что-то носит и поднимает. «Он и меня смог бы куда-то унести», – думает Харди. Он смотрит на руки Марка и пытается сопоставить эти большие ладони и длинные пальцы с отпечатками, оставшимися на шее Дэнни.

– Нет. Никакого вызова не было.

Марк изо всех сил старается выглядеть озадаченным.

– Что вы имеете в виду?

– У нас есть запись с видеокамеры на парковке на Брайар-Клифф. Вы были там в час двадцать три ночи.

Марк машинально оглядывается через плечо. Бэт по-прежнему стоит у окна. Он по-детски улыбается ей, но ко времени, когда он поворачивается обратно к Харди, улыбка его полностью исчезает.

– Значит, теперь вы следите за мной? – шипит он.

– Мы проверяем записи со всех камер видеонаблюдения в этом районе. Так что вы делали в ту ночь?

– Так я что, в *подозреваемых* у вас?

– Первым делом мы исключаем людей, которые непричастны к расследованию. Вы рассказываете мне, где вы были, с кем и как долго. Я снимаю с вас подозрение. Подход чисто методический. Если вы не сообщаете мне этих фактов, я не могу снимать с вас подозрение. А если я не могу таким образом исключить вас, вы являетесь человеком, представляющим интерес для следствия.

– По делу об убийстве моего собственного сына?

Но Харди не так прост, чтобы позволить Марку разыгрывать эту карту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.